



МЕЛОДИ
Лейм

ЭРОТИЧЕСКИЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Запретный плод
МОНСТРА

Мелоди Лейн

Запретный плод монстра

«Автор»

2026

Лейн М.

Запретный плод монстра / М. Лейн — «Автор», 2026

Алессандро Де Стефано - монстр во плоти, наследник криминальной империи Неаполя, чье имя произносят шепотом. В его мире нет места слабости, есть только власть, деньги и кровь. Кьяра Росси - луч света в его прогнившем мире, талантливая студентка-художница, чья единственная вина - долги ее семьи. Случайная встреча на подпольном аукционе, где она - живой лот, а он - самый опасный покупатель, навсегда меняет их жизни. Он покупает ее свободу, но взамен требует нечто большее: ее время, ее тело, ее покорность. Кьяра не собирается становиться красивой игрушкой в руках чудовища, но Алессандро не привык получать отказ. За стеной его жестокости она начинает видеть проблески израненной души, а он в ее непокорности находит то, чего ему не хватало всю жизнь. Сможет ли запретная страсть растопить лед в сердце монстра, или она погубит их обоих, сгорев в пламени порочного желания?

© Лейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена предательства. Алессандро	5
Глава 2. Мир рухнул. Кьяра	8
Глава 3. Несломленная. Алессандро	13
Глава 4. Шепот в темноте. Кьяра	17
Глава 5. Первые правила. Алессандро	21
Глава 6. Иллюзия свободы. Кьяра	24
Глава 7. Запах ее страха. Алессандро	27
Глава 8. Слабое звено. Кьяра	30
Глава 9. Трещина в броне. Алессандро	33
Глава 10. Точка невозврата. Кьяра	36
Глава 11. Новые правила. Алессандро	40
Глава 12. Пытка ожиданием. Кьяра	43
Глава 13. Красивый аксессуар. Алессандро	46
Глава 14. Наживка для шакалов. Кьяра	49
Глава 15. Вкус победы. Алессандро	53
Глава 16. Маска покорности. Кьяра	56
Глава 17. Игра в доверие. Алессандро	59
Глава 18. Щит из монстра. Кьяра	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Запретный плод монстра

Глава 1. Цена предательства. Алессандро

Тишина. Густая, почти осязаемая, она обволакивала чужую квартиру, пропитанную запахом женских духов - что-то лёгкое, цветочное, с ноткой ванили. Запах невинности. Ирония судьбы, учитывая, чья это дочь. Я стоял у огромного панорамного окна, глядя на ночной город, раскинувшийся внизу дрожащим ковром огней. Отражение в стекле показывало мне высокого мужчину в простом черном кашемировом свитере и темных брюках. Сегодня я не хотел власти костюма. Сегодня я был охотником, а не бизнесменом.

Мои люди проверили все. Квартира была чиста. Никаких ловушек, никакой охраны. Старый лис Росси действительно верил, что спрятал свою драгоценность в этом уютном гнездышке на окраине города, подальше от его грязных дел. Он просчитался. Он всегда недооценивал меня. И именно поэтому его бездыханное тело сейчас остывает на полу его собственного кабинета, а я стою здесь, в квартире его единственной дочери. Кьяры.

Я медленно провел пальцами по корешку книги, оставленной на подоконнике. Сборник стихов. Легкая, почти невесомая книжица. Внутри - засохший цветок. Такая предсказуемая сентиментальность. Всё в этой квартире кричало о её хозяйке: светлые тона, мягкий плед, небрежно брошенный на диван, фотографии в тонких рамках на стенах. На одной из них она смеялась, запрокинув голову. Длинные темно-русые волосы разметались по плечам. Большие светлые глаза сияли счастьем. В тот момент она еще не знала, что такое настоящий страх. Скоро узнает.

Холодная ярость, мой вечный спутник, шевельнулась внутри. Росси отнял у меня брата. Он думал, что это сойдет ему с рук. Он оставил кровавый долг, и я пришел его забрать. Не деньгами. Не властью. Я заберу то, что было ему дороже всего.

Щелчок замка в прихожей прозвучал оглушительно громко в этой сонной тишине. Я не обернулся, продолжая смотреть на город. Я слышал каждый её шаг. Как она поставила на пол легкие пакеты с продуктами. Как сняла туфли, и её шаги стали почти беззвучными. Как она тихонько напевала себе под нос какую-то незамысловатую мелодию. Она вошла в гостиную, и её песня оборвалась на полуслове. Я почувствовал, как воздух за её спиной застыл от ужаса.

- Кто вы? - ее голос дрогнул, но в нем слышались стальные нотки. Дочь своего отца, как ни крути.

Я медленно обернулся. Она стояла в нескольких метрах от меня, в простом бежевом пальто, распахнутом на белоснежной блузке. В одной руке - ключи, в другой - сумочка, которую она сжимала так, что побелели костяшки пальцев. Её глаза, серые, как штормовое небо, расширились от шока и страха, но в их глубине уже разгорался огонь непокорности. Она была именно такой, как на фотографиях, и даже лучше. Нежная, хрупкая, но с упрямо вздернутым подбородком.

- Алессандро Де Стефано, — произнес я ровным, лишенным эмоций голосом, наблюдая, как с её лица отхлынула кровь. Она знала это имя. О, да. Ее отец наверняка рассказывал ей сказки про монстра, который хочет разрушить их идеальный мир.

- Что... что вы здесь делаете? Убирайтесь! Я вызову полицию! - она сделала шаг назад, нащупывая в кармане телефон.

Я усмехнулся, и эта усмешка, должно быть, выглядела жутко.

- Не утруждайся, Кьяра. Полиция сегодня очень занята. Расследует несчастный случай в особняке твоего отца.

Ее лицо исказилось. Губы задрожали.

- Что вы имеете в виду? Что с отцом?

Я сделал шаг ей навстречу, наслаждаясь тем, как она вздрогнула и вжалась в стену. Я остановился так близко, что мог чувствовать тепло её тела и тот самый ванильный аромат.

- Твой отец совершил последнюю, роковую ошибку, - я говорил тихо, почти интимно, впиваясь взглядом в её испуганные глаза. - Он думал, что я не найду его главное сокровище. Но я здесь, Кьяра.

- Нет... - прошептала она, качая головой. Слёзы заблестели на её ресницах. - Вы лжете...

- Я никогда не лгу, - я протянул руку и коснулся её щеки тыльной стороной ладони. Её кожа была как шелк, но холодной, как лед. Она отшатнулась, словно от огня, и в её глазах вспыхнула чистая ненависть. Вот. Вот то, что я хотел увидеть. Не слезы. Не страх. Ненависть. С ней можно работать. - Твоего отца больше нет. А все его долги перешли к тебе.

- У меня нет денег! Я ничего вам не должна! - выкрикнула она, и её голос сорвался.

- Ты - плата за его долги, - я грубо схватил её за подбородок, заставляя смотреть мне в глаза. - С этой минуты ты принадлежишь мне. Твоя жизнь, твоё тело, твоя воля — всё моё. Ты поняла?

Она молчала, лишь прожигала меня яростным взглядом. Её губы плотно сжались в упрямой линии.

- Я не разрешал молчать, когда задаю вопрос, - я усилил нажим, и она тихо застонала от боли. - Ты. Поняла?

- Да... - выдавила она сквозь зубы.

- Хорошая девочка, - я отпустил её, и она отвернулась, тяжело дыша. - У тебя десять минут, чтобы собрать вещи. Только самое необходимое.

- Я никуда с вами не пойду!

Я окинул её холодным взглядом.

- Это не просьба. Два моих человека ждут за дверью. Мы можем пойти по-хорошему, и ты сама соберешь свою легкую сумку. Или мы можем пойти по-плохому, и они вынесут тебя отсюда в том, в чем ты сейчас стоишь. Выбор за тобой. Но учти, во втором случае твои красивые вещи останутся здесь гнить вместе с твоей прошлой жизнью.

Она смотрела на меня несколько долгих секунд, её грудь вздымалась от сдерживаемых рыданий. Затем она развернулась и молча пошла в спальню. Я последовал за ней, не давая ей ни секунды уединения. Она открыла шкаф и начала вытаскивать вещи, бросая их на кровать. Лёгкое шелковое платье, пара джинсов, несколько свитеров. Её руки дрожали, но она двигалась быстро, с какой-то отчаянной решимостью. Она схватила с тумбочки фотографию в рамке - ту самую, где она смеялась.

- Это оставь, - мой голос прозвучал как удар хлыста. Она замерла. - В твоей новой жизни нет места для прошлого.

Она медленно повернулась, и я увидел на её лице такую боль, что на мгновение что-то шевельнулось в моей груди. Но я тут же задавил это чувство. Жалость - непозволительная роскошь. Она сжала рамку в руках, и я сделал шаг вперед.

- Не заставляй меня повторять, Кьяра.

С тихим всхлипом она положила фотографию обратно на тумбочку, стеклом вниз. Словно хоронила кого-то. Она застегнула молнию на небольшой спортивной сумке и подняла на меня глаза, полные слез и вызова.

- Я готова.

- Отлично.

Я забрал у нее сумку, которая почти ничего не весила, и бросил её одному из моих людей, Марко, который бесшумно возник в дверях. Второй, Лео, уже ждал нас в прихожей. Я взял Кьяру за локоть. Её тут же передёрнуло, но она не сопротивлялась. Просто шла рядом, прямая, как струна, глядя перед собой невидящим взглядом. Мы вышли из квартиры, и тяжелая дубовая дверь за нами захлопнулась с глухим стуком, отрезая её от всего, что она знала и любила. В лифте она молчала, глядя на своё отражение в зеркальной стене. Я стоял сзади, и наши взгляды встретились в зеркале. В её глазах плескалась бездна отчаяния, но под ней тлел уголек ненависти. Этот уголек я ещё успею раздуть в настоящее пламя.

Внизу нас ждал черный бронированный седан. Лео открыл заднюю дверь. Я мягко, но настойчиво втолкнул её внутрь и сел следом. Марко сел за руль. Двери с тихим щелчком заблокировались. Она сидела вжавшись в самый дальний угол, стараясь не касаться меня, и смотрела в окно на свой дом, который стремительно удалялся. Водитель завел машину, и мы сорвались с места, плавно вливаясь в поток ночного трафика. Её старая жизнь закончилась. Началась новая. Моя жизнь. И моя игра.

Глава 2. Мир рухнул. Кьяра

Время остановилось. Или, может быть, оно просто перестало существовать для меня в тот момент, когда тяжелая дверь моей квартиры захлопнулась, отрезая меня от всего, что я знала. Сейчас оно текло вязкой, тягучей патокой, измеряясь не секундами, а ударами моего собственного сердца, гулко стучащего где-то в горле. Машина неслась сквозь ночной город, и огни фонарей, витрин и фар сливались в одну сплошную, размытую реку света за тонированным стеклом. Я видела знакомые улицы, повороты, перекрестки, но они казались чужими, декорациями из фильма о чужой жизни. Моя собственная жизнь осталась там, за захлопнувшейся дверью, вместе с запахом моих духов и фотографией, которую он заставил меня оставить.

Я сидела, вжавшись в мягкую кожу сиденья, стараясь занимать как можно меньше места, словно это могло сделать меня невидимой. Рядом сидел он. Алессандро Де Стефано. Монстр. Я не смотрела на него, но чувствовала его присутствие каждой клеткой тела. Он излучал ауру холодной, хищной силы, которая заполняла все пространство в машине, делая воздух густым и тяжелым. Я слышала его ровное, спокойное дыхание и ощущала тонкий, дорогой аромат его парфюма - что-то терпкое, с нотами сандала и кожи, запах власти и опасности. Этот запах въедался в память, и я знала, что отныне он будет ассоциироваться у меня с худшим днем в моей жизни.

В голове царил хаос. Слова, которые он произнес в моей гостиной, эхом отдавались в черепной коробке. «Твоего отца больше нет». Нет. Этого не может быть. Ложь. Это просто способ запугать меня, сломить, заставить подчиниться. Папа он был осторожен. Он был сильным. Он не мог просто так... умереть. Слезы жгли глаза, но я сжимала зубы и кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не позволить им пролиться. Я не доставлю этому чудовищу такого удовольствия. Не увидит он моих слез. Никогда.

Я заставила себя оторвать взгляд от мелькающего пейзажа за окном и украдкой, искоса, посмотрела на своего похитителя. Он не смотрел на меня. Его взгляд был устремлен вперед, на дорогу, но я знала, что он контролирует каждое мое движение. В полумраке салона его профиль казался высеченным из камня. Четкие скулы, волевой подбородок, покрытый аккуратной щетиной, прямой нос. Он был красив. Той самой дьявольской, пугающей красотой, о которой пишут в романах. Красотой, которая несет разрушение. Его руки спокойно лежали на коленях - длинные, сильные пальцы, ухоженные ногти. На одном из пальцев тускло блеснул массивный золотой перстень с черным камнем. Я представила, как эти руки сжимаются на чьем-то горле, и по спине пробежал ледяной холодок.

- Куда вы меня везете? - мой голос прозвучал хрипло и неуверенно, но я должна была нарушить эту гнетущую тишину. Должна была показать, что я не просто испуганная овечка.

Он медленно повернул голову. Его светлые, почти прозрачные глаза впились в меня, и я почувствовала себя голой под этим пронзительным взглядом. Он словно заглядывал мне прямо в душу, вытаскивая на свет все мои страхи.

- В твой новый дом, - ответил он ровным, лишенным эмоций голосом.

- У меня есть дом. Вы силой забрали меня из него, - возразила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

На его губах появилась тень усмешки, от которой мне стало еще страшнее.

- То была клетка, которую построил для тебя отец, чтобы спрятать от мира. А это будет моя клетка. Разница лишь в том, что из моей клетки выхода нет.

Мы свернули с оживленного проспекта и поехали вверх по извилистой дороге, ведущей в элитный район на холмах, откуда весь город был виден как на ладони. Машина остановилась перед высокими коваными воротами. Один из охранников, тот, что сидел за рулем, приложил палец к сканеру, и ворота бесшумно разъехались в стороны, открывая вид на ультрасовременный особняк. Здание из стекла, бетона и темного дерева выглядело холодным и неприступным, как крепость. Ни единого цветка, ни одного деревца, только идеально подстриженный газон и каменные плиты.

Машина плавно въехала в подземный гараж, где уже стояло несколько дорогих автомобилей, сверкающих в свете ламп. Дверь рядом со мной открыл второй охранник.

- Выходи, - приказал Де Стефано.

Я сглотнула, но подчинилась. Ноги были ватными, но я заставила себя стоять прямо, когда он вышел из машины и встал рядом. Он был на голову выше меня, и рядом с ним я чувствовала себя маленькой и незащищенной. Он небрежно бросил ключи охраннику и кивнул в мою сторону.

- Отнеси её сумку в гостевую спальню на втором этаже. И проследи, чтобы никто её не беспокоил.

Затем он взял меня за локоть. Его хватка была не болезненной, но железной, не оставляющей ни единого шанса вырваться. Мы вошли в лифт, отделанный темным зеркальным стеклом. Я снова увидела наше отражение: высокий, властный мужчина в черном и хрупкая девушка в светлом пальто, которую он держал, как свою собственность. Когда двери открылись, у меня перехватило дыхание.

Мы оказались в огромном пентхаусе. Гигантская гостиная с панорамными окнами во всю стену, за которыми раскинулся ночной город, усыпанный миллионами огней. Дизайнерская мебель строгих форм, тяжелые кожаные диваны, стеклянный стол, камин, в котором не было огня. Всё было выполнено в черно-бело-серых тонах, стильно, дорого и абсолютно безжизненно. Это место не было домом. Это был мавзолей.

Де Стефано отпустил мой локоть и прошел к бару, сложенному из черного мрамора. Он достал стакан, бросил в него несколько кубиков льда из встроенного льдогенератора и налил себе виски.

- Будешь что-нибудь? - спросил он, не оборачиваясь.

- Я хочу позвонить, - твердо сказала я.

Он медленно повернулся, держа в руке стакан.

- Кому?

- В полицию. И моему отцу. Я хочу убедиться, что вы лжете.

Он сделал глоток, его глаза насмешливо сверкнули над краем стакана.

- Смелая. Глупая, но смелая. Твой телефон, как и любые другие средства связи, тебе больше не понадобится. Что касается твоего отца... скоро ты получишь доказательства. Не те, на которые надеешься.

- Вы чудовище, - прошептала я, и ненависть, горячая и обжигающая, придала мне сил.

- Я - бизнесмен, Кьяра, - он поставил стакан на стойку. - Твой отец заключил со мной сделку, которую не смог выполнить. Он поставил на кон свою жизнь и проиграл. А ты - это проценты по его долгу. Компенсация за моральный ущерб.

Он подошел ко мне, и я инстинктивно отшатнулась, пока не уперлась спиной в холодную стеклянную стену. Он остановился в шаге от меня, засунув руки в карманы брюк.

- Здесь есть правила. И тебе придется их выучить, если хочешь, чтобы твое существование было сносным. Правило первое: ты делаешь то, что я говорю. Всегда. Без вопросов и пререканий. Правило второе: ты не пытаешься сбежать. Этот дом - крепость. Окна бронированные, на всех выходах мои люди. Попытка побега будет расценена как глупость, а глупость я наказываю. Жестоко. Правило третье: ты принадлежишь мне. Никто не войдет в твою комнату без моего разрешения. Никто не прикоснется к тебе. Но и ты не будешь искать защиты или общения ни с кем, кроме меня. Ты поняла?

Я молчала, глядя ему в глаза с вызовом. Мое сердце колотилось, как бешеное, но я не собиралась показывать ему свой страх. Не собиралась говорить "да".

Он выдохнул, и облачко пара коснулось стекла рядом с моей головой.

- Я задал вопрос.

- Я не ваша вещь, - процедила я сквозь зубы.

В его глазах на мгновение вспыхнуло что-то опасное. Он шагнул вперед, сократив расстояние между нами до минимума. Он навис надо мной, и я ощутила жар, исходящий от его тела. Он уперся ладонями в стекло по обе стороны от моей головы, запирая меня в ловушку.

- Ты именно вещь, - пророкотал он мне прямо в лицо, его голос был низким и угрожающим. - Трофей. Игрушка. Называй как хочешь. Но ты - моя. И чем быстрее ты это усвоишь, тем для тебя же будет лучше.

Я вздрогнула, когда сзади нас раздался тихий женский голос:

- Сеньор Де Стефано, вы звали?

Он нехотя отстранился. Я обернулась и увидела женщину лет пятидесяти, одетую в строгую черную униформу. У неё было суровое, непроницаемое лицо и гладко зачесанные седые волосы.

- Да, Елена, - сказал он, вновь обретая свое ледяное спокойствие. - Это Кьяра. Она будет жить здесь. Проводи её в гостевую спальню. Убедись, что у неё есть все необходимое. Завтра утром принесешь ей новую одежду. Ее размер ты знаешь.

Женщина, Елена, кивнула, даже не взглянув на меня с сочувствием. Её глаза были такими же холодными и пустыми, как и этот дом.

- Следуйте за мной, синьорина, - сказала она бесцветным голосом.

Я бросила последний полный ненависти взгляд на Де Стефано и пошла за экономкой. Он остался стоять у окна, глядя нам вслед. Я чувствовала его взгляд на своей спине, словно клеймо.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Коридор был длинным и пустым, стены украшали абстрактные картины, лишённые всякого тепла. Елена остановилась у одной из дверей и открыла ее. - Это ваша комната. Ванная смежная. Если вам что-то понадобится, в стене у кровати есть кнопка вызова.

Она говорила как робот. Я вошла внутрь. Комната была огромной, даже больше, чем моя гостиная. В центре стояла широкая кровать с белоснежным, легким как пух, покрывалом. У стены - гардеробный шкаф, туалетный столик с зеркалом. И снова - панорамное окно с видом на ночной город. Все было безупречно, стильно и абсолютно чужое. На кровати лежала моя скромная спортивная сумка - жалкое напоминание о моей прошлой жизни.

- Дверь запирается снаружи, - добавила Елена, прежде чем выйти. - Спокойной ночи, синьорина.

Дверь закрылась, и я услышала тихий щелчок замка.

Все. Капкан захлопнулся.

Я подбежала к двери и дернула ручку. Заперто. Я бросилась к окну. Толстое, бронированное стекло. Ни ручек, ни возможности его открыть. Я была в ловушке. В золотой клетке на вершине мира, из которой не было выхода.

Наконец, силы оставили меня. Ноги подкосились, и я сползла на пол, прижавшись спиной к холодному стеклу. И только тогда, в полной тишине и одиночестве, я позволила себе заплакать. Слезы текли по щекам, смешиваясь с чувством бессилия, ярости и всепоглощающего горя. Я плакала по отцу, которого, возможно, больше никогда не увижу. Я плакала по своей разрушенной жизни, по своему будущему, которого меня лишили. Я плакала от ненависти к человеку, который это сделал.

Но сквозь рыдания, сквозь отчаяние, во мне зарождалась холодная, твердая, как сталь, решимость. Он думает, что сломал меня? Он думает, что я стану его покорной игрушкой? Нет.

Он забрал у меня всё, но он не заберет мою волю. Я - Кьяра Росси. И я выживу. Я найду способ выбраться. И я отомщу. Даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни.

Глава 3. Несломленная. Алессандро

Щелчок замка, закрывшего дверь её новой комнаты, прозвучал в оглушительной тишине коридора как точка в конце предложения. Предложения, которое я написал кровью её отца. Я остался стоять в полумраке, прислушиваясь. Я ожидал криков, истерики, звуков бьющейся посуды. Ничего. Только тишина. Она была куда красноречивее любого шума. Я развернулся и медленно пошел обратно в гостиную, чувствуя на себе строгий, неодобрительный взгляд Елены. Она служила моей семье еще до моего рождения и была одной из немногих, кто мог позволить себе смотреть на меня так. Она не одобряла моего решения привезти девушку сюда, в мой дом, в самое сердце моей империи. Елена считала это слабостью, неоправданным риском. Возможно, она была права. Но она не понимала главного. Это была не слабость. Это был финальный аккорд моей мести.

Я подошел к бару и снова наполнил свой стакан. Легкий звон льда о хрусталь был единственным звуком в огромном пространстве. Я не стал включать свет, оставшись в тени. Город внизу сиял, как россыпь бриллиантов на черном бархате, но я не видел его красоты. Я видел лишь поле битвы, на котором сегодня одержал окончательную победу. Марко Росси был мертв. Его жалкая попытка переворота, его предательство, стоившее жизни моему младшему брату Маттео, наконец-то оплачены сполна. Я помнил тот день, словно это было вчера. Звонок. Сухие, деловые слова моего капо о "неудачной сделке". А потом - тело Маттео, которого мне вернули по частям, как кровавое послание от Росси. Он думал, что я сломаюсь. Он недооценил глубину моей ярости. И сегодня я вернул ему долг, забрав не только его жизнь, но и то единственное, что он, по слухам, любил по-настоящему. Его дочь. Кьяру.

Я сделал большой глоток виски. Обжигающая жидкость прокатилась по горлу, но не принесла тепла. Я достал из кармана планшет и включил систему наблюдения. Десятки маленьких экранов ожили, показывая каждый уголок моего дома. Я нашел нужный. Камера в её комнате, хитроумно встроенная в датчик дыма на потолке. Картинка была кристально четкой. Она стояла на коленях у панорамного окна, спиной к камере. Её плечи мелко дрожали. Плачет. Хорошо. Я ожидал слёз. Я хотел их. Но потом она затихла. Она медленно поднялась на ноги, вытерла лицо рукавом блузки и подошла к зеркалу над туалетным столиком. Она долго смотрела на свое отражение. Я видел её лицо - заплаканное, бледное, но в её светлых глазах горел огонь. Не отчаяние. Не смирение. Чистая, незамутненная ненависть. И вызов. Она расправила плечи, вскинула подбородок и что-то беззвучно прошептала своему отражению. Я увеличил изображение, пытаюсь прочесть по губам. "Ты справишься".

Внутри меня что-то шевельнулось. Странная смесь раздражения и... уважения? Я ожидал увидеть сломленную жертву, рыдающую о своей горькой судьбе. А увидел бойца, который, оказавшись на полу, уже готовится к следующему раунду. Она была дочерью своего отца - в ней была та же упрямая гордость, та же сталь в позвоночнике. Но в ней было и то, чего у старого лиса Росси никогда не было — какая-то звенящая чистота, невинность, которую хотелось либо защитить, либо разрушить до основания. Я еще не решил, что именно.

Она обошла комнату, методично проверяя всё: подергала ручку двери, ощупала раму окна, заглянула в шкаф, где висело несколько безликих халатов. Затем открыла свою сумку, вытащила оттуда легкий свитер и джинсы и аккуратно сложила их на кресло. Она двигалась плавно, без суеты, словно не пленница, а хозяйка, осматривающая свои владения. Эта её

выдержка бесила меня. Я хотел, чтобы она умоляла, кричала, билась головой о стену. А она вместо этого готовилась к войне.

Мой телефон завибрировал. Звонил Марко.

- Да.

- Босс, все чисто. Тело Росси на месте, выглядит как сердечный приступ от передозировки стимуляторами, как вы и велели. Копы купились. Его люди в замешательстве, никто не знает, что делать. Империя обезглавлена.

- Хорошо. Что с его активами?

- Наши юристы уже работают. К утру большая часть его легального бизнеса перейдет под контроль наших подставных фирм. С остальным разберемся в течение недели. Конкуренты пока молчат, выжидают.

- Пусть выжидают. Усилить охрану по периметру. В ближайшие дни возможны провокации от клана Моретти. Они наверняка захотят урвать свой кусок пирога.

- Уже сделано, босс.

- Что-то еще?

- Девушка... - Марко замялся. - Вы уверены, что это было правильно? Привозить её в дом? Это... личное.

- Моя месть - это всегда личное, Марко, - отрезал я. - Маттео был мне братом. Росси забрал у меня брата, я заберу у него будущее, даже после его смерти. Её будущее. Выполняй приказ.

Я сбросил вызов и отшвырнул планшет на тяжелый кожаный диван. Личное. Марко был прав. Это было чертовски личное. Я смотрел на её хрупкую фигурку на экране и видел в ней не просто дочь врага. Я видел в ней идеальный инструмент для мести. Я не собирался её убивать. Смерть - это слишком просто, слишком милосердно. Я собирался медленно, день за днем, вытравливать из неё всё, что связывало её с прошлой жизнью. Я сотру её фамилию, её воспоминания, её волю. Я сломаю её так, чтобы от гордой Кьяры Росси не осталось ничего, кроме оболочки, которая будет принадлежать только мне.

Я прошел в свою спальню, которая находилась в противоположном крыле пентхауса. Сбросил свитер, оставшись в одних брюках. Подошел к окну. Вид отсюда был таким же, как из её комнаты. Мы смотрели на один и тот же город, но видели его по-разному. Для меня он был моей империей, моей шахматной доской. Для неё - символом потерянной свободы. Я думал о ней. О том, как она пахнет - ваниль и страх. О том, какая у неё нежная кожа под моими пальцами. О том, как потемнели её глаза от ненависти, когда я сказал, что она принадлежит мне. Эта ненависть возбуждала. Она была настоящей, живой, куда более интересной, чем притворное обожание женщин, которые проходили через мою постель.

Утром я проснулся раньше обычного. Привычка, выработанная годами жизни в постоянной опасности. После душа и чашки крепкого эспрессо я снова посмотрел на мониторы. Она спала, свернувшись калачиком на огромной кровати, и во сне казалась совсем юной и беззащитной. Рядом с кроватью стоял поднос с нетронутым ужином, который вчера вечером ей принесла Елена. Упрямая девчонка. Решила объявить голодовку? Что ж, это её право. Посмотрим, надолго ли её хватит.

Я вызвал Елену.

- Закажи для синьорины одежду. Повседневную. Удобную. Ничего вызывающего. И принеси ей завтрак. Если откажется - оставь и уходи. Не вступай в пререкания.

- Да, сеньор.

Я оделся в деловой костюм, закрепил на запястье часы. Сегодня предстоял долгий день - совещания, встречи, передел сфер влияния после смерти Росси. Но прежде я решил нанести ей визит. Я хотел увидеть её глаза после первой ночи в плену. Хотел убедиться, что огонь в них не погас.

Я подошел к её двери и бесшумно открыл её своим ключом. Она тут же села на кровати, инстинктивно натягивая на себя лёгкое одеяло. На ней была простая белая майка и шорты для сна - видимо, единственное, что она взяла из дома. Её длинные волосы были растрепаны, лицо без макияжа казалось еще моложе. Она смотрела на меня с плохо скрываемым страхом, но подбородок держала высоко.

- Доброе утро, - произнес я, закрывая за собой дверь. Я прошел в комнату и остановился у изножья кровати. - Надеюсь, ты хорошо спала.

- Что вам нужно? - её голос был хриплым ото сна.

- Хотел убедиться, что с моим имуществом всё в порядке, - я намеренно выбрал это слово, наблюдая, как её скулы напряглись. - Вижу, ужин тебе не понравился. Жаль. Елена - прекрасный повар.

- Я не буду есть вашу еду, - отрезала она.

- Как хочешь, - я пожал плечами. - Можешь умирать с голоду. Мне, в общем-то, все равно. Твоя жизнь или смерть — теперь тоже моя забота. И я решаю, когда ей оборваться.

Я подошел ближе и сел на край кровати. Она тут же отползла к самой спинке, как испуганный зверек.

- Не подходите ко мне! - прошипела она.

- У себя дома я хожу, где хочу, - я протянул руку и убрал с её лица прядь волос. Она вздрогнула, но не отстранилась, лишь замерла, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Её кожа была теплой. - Скоро тебе привезут одежду. Переоденешься. Я не хочу, чтобы что-то из твоего прошлого оставалось в моем доме.

Я поднялся.

- У меня сегодня много дел. Но вечером мы поговорим. У нас будет много времени для разговоров, Кьяра. Вся твоя оставшаяся жизнь.

Я направился к двери, но остановился, положив руку на ручку.

- И еще одно, - сказал я, не оборачиваясь. - Я ценю твой бойцовский дух. Это делает нашу игру интереснее. Но не забывай, кто устанавливает правила. И кто победит в итоге.

Я вышел, снова заперев дверь. В коридоре меня уже ждала Елена с подносом, на котором стоял завтрак. Я кивнул ей, и она вошла в комнату. Я не стал ждать её реакции. Я знал, что она не притронется к еде. Пока не притронется. Но голод - могущественное оружие. Рано или поздно ей придется сделать выбор: умереть от голода и гордости или есть с руки своего врага, чтобы выжить. И я был почти уверен, какой выбор она сделает. Она - боец. А бойцы всегда выбирают жизнь, чтобы продолжить борьбу. Игра только начиналась, и я собирался насладиться каждым её моментом.

Глава 4. Шепот в темноте. Кьяра

Дверь за ним захлопнулась, и звук замка, поворачивающегося в скважине, ударил по нервам, как выстрел. Я осталась сидеть на кровати, сжимая в руках легкое, почти невесомое одеяло, которое казалось единственной защитой от холода, исходившего не от комнаты, а от него. Алессандро Де Стефано. Его присутствие, даже после ухода, висело в воздухе, пропитав его запахом дорогого парфюма и ледяной угрозы. Я смотрела на то место у изножья кровати, где он сидел, и мне казалось, что я до сих пор чувствую тяжесть его взгляда на своей коже. Он назвал меня "имуществом". Не человеком, не пленницей, а вещью. И от этого унижения внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок.

Вскоре в комнату бесшумно вошла Елена. Она поставила на столик у окна поднос с завтраком: омлет, несколько ломтиков поджаренного бекона, свежие ягоды и стакан апельсинового сока. Запах еды ударил в нос, и мой желудок предательски сжался от голода. Я не ела со вчерашнего обеда, и тело начало бунтовать. Но я лишь отвернулась, упрямо глядя в стену. Я не прикоснусь к его еде. Не приму ничего от этого монстра. Это было единственное, что я еще могла контролировать. Мое тело. Моя воля.

- Синьорина, - произнесла Елена своим ровным, бесцветным голосом. - Сеньор Де Стефано не любит, когда его приказы игнорируют. Вам следует поесть.

Я молчала. Я не собиралась вступать в диалог с тюремщицей. Она постояла еще мгновение, вздохнула почти неслышно и так же бесшумно вышла, оставив дверь запертой.

Весь день превратился в пытку. Время тянулось бесконечно долго. Я мерила шагами свою золотую клетку, подходя то к двери, то к окну. За стеклом кипела жизнь: машины сновали по улицам, куда-то спешили крошечные фигурки людей. Они были свободны. Они могли пойти куда захотят, позвонить кому захотят, обнять своих близких. А я была здесь, в ловушке, на вершине мира, отрезанная от всего, что любила. Мысли об отце разрывали сердце. Что он с ним сделал? Слова Де Стефано о "несчастном случае" звучали как издевательство. Я знала, что мой отец не был святым. Он занимался бизнесом, где не было места сантиментам, у него были враги. Но он был моим отцом. Он любил меня, защищал, оберегал. И мысль о том, что его больше нет... Нет. Я не могла, не хотела в это верить. Это его способ сломить меня. Заставить поверить в собственное бессилие.

Часы на стене показывали полдень, когда в дверь постучали. Я замерла, сердце ухнуло вниз. Неужели он вернулся так рано? Но вошла снова Елена, на этот раз с несколькими большими картонными коробками от дорогих брендов. Она молча поставила их на пол у шкафа.

- Сеньор велел передать это вам. Вашу старую одежду следует сложить в пакет. Я заберу его позже.

Она ушла, не дожидаясь ответа. Я с отвращением посмотрела на коробки. Его подачки. Он хотел не просто запереть меня, он хотел стереть меня, переодеть в то, что выберет сам, превратить в свою куклу. Я подошла и пнула одну из коробок. Она была легкой и поддавалась без сопротивления. Крышка соскочила, и я увидела внутри стопку кашемировых свитеров пастельных тонов, мягких на ощупь, дорогих и абсолютно безликих. В других коробках были джинсы идеального кроя, шелковые блузки, нижнее белье из тончайшего кружева, даже

домашние тапочки из овчины. Все было подобрано с безупречным вкусом и точно по моему размеру. Это пугало больше всего. Он знал мой размер. Он изучил меня, прежде чем прийти за мной. Я была не спонтанным трофеем, а тщательно спланированной целью.

Яростно захлопнув крышку, я отошла от коробок, как от чего-то ядовитого. Я не надену это. Никогда. Я останусь в своей старой майке и шортах, последнем островке моей прошлой жизни, пока они не истлеют на мне.

Голод становился все сильнее. К обеду Елена принесла легкий суп и салат. Запах был божественным. У меня закружилась голова, и на мгновение в глазах потемнело. Я села на край кровати, чтобы не упасть. Я смотрела на поднос, ведя внутреннюю борьбу. Одна ложка. Всего одна. Никто не узнает. Но я тут же одернула себя.

Узнает он. Он знает всё. Я представила его самодовольную усмешку, и тошнота подступила к горлу, перебив голод. Я выдержу. Я должна.

Чтобы отвлечься, я пошла в ванную. Она была огромной, отделанной белым и серым мрамором. Душевая кабина размером с мою старую кухню, отдельно стоящая ванна на изогнутых ножках, два умывальника. На полках стояли ряды дорогих косметических средств. Все новое, запечатанное. Он продумал всё до мелочей. Я включила воду и встала под горячие струи. Вода смывала усталость, но не могла смыть чувство грязи от его прикосновений, от его слов, от самого его существования в моей жизни. Я стояла под душем очень долго, пока кожа не покраснела, а пар не заполнил все помещение.

Когда я вышла, завернувшись в легкое пушистое полотенце, то услышала голоса за дверью. Они были приглушенными, но я отчетливо разобрала недовольный рокот Де Стефано и более спокойный голос другого мужчины. Я замерла, прижавшись ухом к холодному дереву двери.

- ...Моретти совсем обнаглели, - говорил незнакомый голос. - Они уже прощупывают наших людей в порту. Думают, после смерти Росси мы ослабли.

- Они думают неправильно, - ледяной тон Де Стефано пробирал до костей даже через дверь. - Я хочу, чтобы ты передал им сообщение. Найди того, кто разговаривал с людьми Моретти. И сделай так, чтобы его язык больше никогда не произнес ни слова. Буквально. Пусть его найдут на территории Моретти. Они должны понять, что мы не ослабли. Мы стали злее.

- Понял, босс. Что насчет девушки? Это не слишком рискованно? Если кто-то узнает...

- Никто не узнает, - отрезал Де Стефано. - Она - моя гарантия. И моя месть. Больше этот вопрос не обсуждаем. Иди.

Шаги удалились, и снова наступила тишина. Я отшатнулась от двери, меня трясло. "Сделай так, чтобы его язык больше никогда не произнес ни слова". Боже мой. Я попала в логово настоящего монстра, для которого человеческая жизнь не стоила ничего. Он не просто бандит, он хладнокровный убийца. И я нахожусь в его полной власти. Страх, липкий и холодный, сковал меня. Это была уже не просто игра в непокорность. Это была борьба за выживание.

Вечер опустился на город. Огни внизу зажглись, превратив панораму за окном в сказочное зрелище. Но я не видела красоты. Я видела лишь высоту, с которой так легко упасть. Ужин, который принесла Елена, - стейк и запеченные овощи, - я тоже проигнорировала. Желудок уже не требовал еды, он просто болел тупой, ноющей болью. Я чувствовала слабость во всем теле, голова была тяжелой.

Я сидела в кресле, укутавшись в одеяло, и смотрела на дверь, ожидая его прихода. Он обещал вернуться. И он всегда держит слово, в этом я уже не сомневалась.

Дверь открылась без стука. Он вошел, одетый в черный деловой костюм, который сидел на нем идеально. Он снял пиджак и небрежно бросил его на спинку стула. Ослабил узел галстука. Он выглядел уставшим, но от этого не менее опасным. Его светлые глаза впились в меня, затем скользнули по трем нетронутым подносам с едой, стоявшим на столике.

- Упорство - похвальное качество, - произнес он, подойдя к столику. Он взял вилкой кусочек остывшего стейка и отправил его в рот. - Но глупость - нет. Ты думаешь, что твоя голодовка что-то изменит?

- Я не буду принимать ничего от убийцы, - тихо, но твердо сказала я.

Он медленно прожевал мясо, не сводя с меня глаз.

- Я убийца, - согласился он спокойно. - А твой отец был предателем. Каждый получает по заслугам. Твой отец получил свою пулю. А ты получила меня.

Мое сердце пропустило удар. Пулю. Значит, он не лгал. Папа... мертв. Убит. Слезы хлынули из глаз против моей воли. Я закрыла лицо руками, и плечи затряслись от беззвучных рыданий. Весь день я держалась, цепляясь за слабую надежду, и теперь он одним предложением выбил у меня почву из-под ног.

Я почувствовала, как диван рядом со мной прогнулся. Он сел рядом. Так близко, что я ощущала тепло его тела.

- Слезы тебе не помогут, Кьяра.

- Ненавижу вас, - прошептала я сквозь рыдания.

- Это чувство взаимно, - его голос был ровным, но я уловила в нем странные нотки. - Твой отец убил моего брата. Теперь мы квиты. Но твоя жизнь - это проценты.

Он протянул руку и грубо отнял мои ладони от лица. Он держал мои запястья в одной своей руке, а другой вытер слезы с моих щек. Его прикосновение было жестким, почти собственническим.

- Ты будешь есть, - это был не вопрос, а приказ. Он взял с подноса вилку с кусочком овоща. - Открой рот.

Я мотнула головой и плотно сжала губы.

- Не заставляй меня применять силу, - проговорил он низко, его глаза потемнели. - Я могу сделать это очень, очень неприятным для тебя способом.

Я смотрела в его безжалостные глаза и понимала, что он не шутит. Я вспомнила его разговор за дверью. Человек, который с легкостью приказывает отрезать язык другому, не остановится перед тем, чтобы насильно накормить упрямую девчонку. Моя борьба была проиграна. Он нашел мою слабую точку - не голод, а страх перед его жестокостью и осознание полного бессилия.

Медленно, чувствуя себя преданной собственным телом, я приоткрыла рот. Он вложил мне в рот вилку. Я безвольно прожевала и проглотила. Кусочек показался мне песком. Он снова наколот еду на вилку и поднес к моим губам. И снова. Он кормил меня, как сломанную куклу, а я подчинялась, и с каждым проглоченным куском чувствовала, как умирает моя решимость. Он победил. Сегодня он победил. Но война еще не окончена. Я ела его еду, чтобы выжить. Чтобы однажды найти способ заставить его заплатить за всё. За отца. За мою жизнь. За каждую слезу.

Глава 5. Первые правила. Алессандро

День был пропитан запахом крови и пороха. Не в прямом смысле, конечно. В моем бизнесе всё давно решалось за столами переговоров, в стерильных офисах и через оффшорные счета. Но сегодня в воздухе витало напряжение. Смерть Марко Росси создала вакуум власти, и шакалы, вроде клана Моретти, тут же начали подбираться к границам моей территории, пробуя её на прочность. Совецание с моими капо затянулось на несколько часов. Мы перекраивали карту города, делили активы Росси, укрепляли позиции. Я отдавал приказы холодно и расчетливо, мой разум работал как швейцарские часы. Я отправил Лео передать "сообщение" Моретти - жестокое, наглядное, чтобы отбить у них охоту совать нос в мои дела. Я принимал решения, от которых зависели десятки жизней и миллионы долларов, и не чувствовал ничего, кроме ледяного удовлетворения от своей власти.

Но сквозь всю эту деловую рутину, сквозь цифры, отчеты и угрозы, красной нитью проходила одна навязчивая мысль. Девушка. Кьяра. Я то и дело ловил себя на том, что открываю на планшете трансляцию с камеры в её комнате. Я видел, как она мерила шагами свою клетку, как дикий зверек. Видел, как она с отвращением смотрит на еду. Видел, как она пнула коробки с одеждой, которую я для неё выбрал. Этот маленький акт неповиновения вызвал у меня кривую усмешку. Упрямая. Несломленная. Пока.

Я наблюдал за ней, и это было странное чувство. Она была частью моего плана мести, финальным штрихом, унижительным постскриптумом к смерти её отца. Но она становилась чем-то большим. Она была загадкой, вызовом. Все в моем мире либо боялись меня, либо пытались мне угодить. Женщины смотрели на меня с подбострастием, видя во мне силу и деньги. Мужчины - со страхом и завистью. А она смотрела на меня с чистой, незамутненной ненавистью. И это, как ни странно, было освежающе.

Когда я говорил с Лео в коридоре, я знал, что она слушает за дверью. Я специально повысил голос, описывая, что нужно сделать с предателем. Я хотел, чтобы она услышала. Хотел, чтобы она поняла, что я не играю в игры. Что её упрямство имеет пределы, и эти пределы устанавливаю я. Я хотел, чтобы она боялась меня. Потому что страх - лучший инструмент контроля.

Вечером, возвращаясь в пентхаус, я чувствовал усталость, но вместе с ней и предвкушение. Предвкушение нашей новой встречи. Я знал, что она не ела весь день. Я видел это по трансляции, видел по отчетам Елены. Пришло время заканчивать эту детскую игру в голодовку. Я не мог позволить ей умереть или заболеть. Она была моим трофеем, и я собирался сохранить свой трофей в целостности. По крайней мере, его физическую оболочку.

Войдя в её комнату, я сразу ощутил царившую в ней атмосферу - смесь отчаяния, упрямства и страха. Она сидела в кресле, маленькая, хрупкая, но её взгляд был полон огня. Три подноса с едой были наглядным свидетельством её молчаливого бунта. И я решил сломать его.

Слова о пуле для её отца были жестокой правдой. Я видел, как они ударили по ней, как рухнула её последняя надежда. Видел, как её лицо исказилось от боли, и в этот момент я почувствовал укол чего-то странного. Не жалости. Нет, это чувство мне было незнакомо. Скорее... удовлетворение хищника, который наконец-то ранил свою жертву. Её слёзы были моей победой.

Когда я сел рядом и прикоснулся к ней, я ощутил, как она задрожала. Её кожа была горячей, запястья в моей руке казались хрупкими, как у птицы. Я мог бы сломать их одним движением. Но я не хотел её ломать физически. Я хотел сломать её дух. Заставить её подчиниться моей воле.

И она подчинилась. Когда я поднес вилку к её губам, она на мгновение замерла, в её глазах мелькнула паника. Но потом она медленно, неохотно приоткрыла рот. Это был момент её капитуляции. Она ела из моих рук. Она принимала пищу от убийцы своего отца. В этот момент она признала мою власть над ней. Я кормил её медленно, наблюдая за каждым её движением, за тем, как ходят желваки на её худых щеках, как она сглатывает. Я не чувствовал триумфа. Я чувствовал, как между нами протягивается новая, темная связь. Связь хозяина и рабыни. Палача и жертвы.

Когда она съела достаточно, я поставил тарелку обратно на поднос. Она сидела, опустив голову, и смотрела на свои руки. Её плечи поникли. Огонь в её глазах на время погас, оставив лишь тлеющие угли.

- Вот так-то лучше, - сказал я, поднимаясь. - Завтра утром Елена принесет тебе новую одежду. Ты переоденешься. Я не хочу больше видеть на тебе эти лохмотья.

Она не ответила, и я не стал требовать ответа. На сегодня было достаточно. Я сломал её первое сопротивление. Дал ей понять, что любые её попытки бунта будут подавлены.

Я вышел из её комнаты и направился в свой кабинет. Я налил себе виски и сел в тяжелое кожаное кресло, глядя на ночной город. Я победил. Но почему-то эта победа не принесла мне полного удовлетворения. Образ её заплаканного лица, её глаз, полных боли и ненависти, стоял у меня перед глазами. Она была сломлена, но я знал, что это временно. Такие, как она, не сдаются. Она будет искать новые способы борьбы. И это делало всё только интереснее.

Раздался звонок по защищенной линии. Это был мой человек из Европы.

- Алессандро, у нас проблема. Интерпол получил наводку на один из наших каналов в Роттердаме. Похоже, у нас крыса.

Я напрягся.

- Кто мог слить информацию?

- Мы пока не знаем. Но след ведет к людям, которые раньше работали на Росси. Похоже, кто-то из его старой гвардии решил сыграть в свою игру.

- Найдите его, - мой голос стал жестким, как сталь. - Я хочу знать его имя. И я хочу, чтобы его доставили сюда. Живым. Я лично с ним поговорю.

- Будет сделано.

Я повесил трубку. Предательство. Это слово вызывало во мне первобытную ярость. Росси предал меня, и я уничтожил его. Теперь кто-то из его псов пытается укусить меня за руку. Я

разберусь с ним. Но эта новость заставила меня задуматься о Кьяре под другим углом. Она не просто дочь моего врага. Она - ключ. Она выросла в этом мире, она могла знать людей своего отца, слышать имена, разговоры. Она могла быть полезной. Не просто как трофей, а как источник информации.

Эта мысль изменила всё. Моя игра с ней приобретала новый смысл. Мне нужно было не просто сломать её волю. Мне нужно было завоевать её доверие. Заставить её говорить. А для этого методы грубой силы не подойдут. Нужна была более тонкая, более изощренная стратегия.

Я снова включил монитор. Она лежала на кровати, отвернувшись к стене. Она не спала, я видел, как вздымается её спина. Она думала. Планировала. Готовилась к новой битве. И я, к своему удивлению, понял, что жду этой битвы с нетерпением. Игра становилась сложнее. И от этого - в тысячу раз азартнее. Я допью свой виски, а потом пойду к ней. Наш вечерний разговор еще не окончен. Я установлю новые правила. Первые настоящие правила её новой жизни.

Глава 6. Иллюзия свободы. Кьяра

Пустота. Это было первое, что я почувствовала, когда дверь за ним закрылась. Не та пустота, что приходит с облегчением, а выжженная, звенящая пустота, оставшаяся на месте моей гордости. Он ушел, а я осталась сидеть в тишине, и вкус еды во рту казался вкусом пепла, вкусом моего поражения. Каждый проглоченный кусок был маленькой смертью моей воли, унижительным признанием его полной власти надо мной. Я чувствовала себя грязной, предавшей не только себя, но и память об отце. Я ела с руки его убийцы.

Я медленно поднялась и подошла к зеркалу. Из него на меня смотрела незнакомка. Бледное лицо, огромные, запавшие глаза, в которых плескался страх и бессильная ярость. Я коснулась своих губ, тех самых, которые он заставил меня открыть. Меня затрясло от отвращения. Я бросилась в ванную и, склонившись над раковиной, долго терла зубы щеткой, пытаюсь смыть, соскрести с себя его присутствие, его победу. Но это было бесполезно. Он проник глубже, чем я думала, - он поселился в моей голове, в моем страхе.

Вернувшись в комнату, я легла на кровать и свернулась в клубок. Тело болело от напряжения, а в голове билась одна-единственная мысль: я проиграла битву. Глупая, наивная головка. Я думала, что смогу противостоять ему, показать свою силу. А он просто дождался, пока я ослабею, и одним точным, жестоким ударом поставил меня на колени. Он был прав. Это была глупость. И эта глупость едва не стоила мне остатков сил.

Ночь была долгой и беспокойной. Я проваливалась в короткие, тревожные сны, в которых видела светлые, безжалостные глаза Де Стефано, слышала его тихий, угрожающий голос. Я видела отца, он звал меня, но между нами была непробиваемая стеклянная стена, и я могла лишь биться об нее кулаками, пока он не растворялся во тьме. Я проснулась от собственного крика, вся в холодном поту. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица.

И в этой предрассветной тишине, глядя на едва светлеющую полоску неба за окном, я поняла одну простую вещь. Моя прошлая тактика была неверной. Открытое противостояние с таким человеком, как он, - это самоубийство. Он сильнее, он безжалостнее, и он контролирует всё. Если я хочу выжить и однажды выбраться отсюда, мне нужно сменить стратегию. Я не могу бороться с ним силой. Значит, я буду бороться умом. Я стану для него тенью. Покорной, тихой, незаметной. Я буду есть его еду, чтобы набраться сил. Я надену его одежду, чтобы он думал, что смирилась. Я буду молчать, когда он говорит, и наблюдать. Я изучу его, как ученый изучает опасного хищника. Его привычки, его слабости, его распорядок дня. Я найду трещину в его броне. И когда он меньше всего будет этого ожидать, я нанесу свой удар.

Эта мысль принесла мне странное, холодное спокойствие. Ненависть никуда не делась, она просто ушла вглубь, превратившись из яростного пламени в кусок льда в моей груди. Отныне это будет моя тайная война.

Утром, когда Елена вошла с подносом, я сидела на кровати, спокойная и собранная. На ее лице промелькнуло удивление, когда я, не говоря ни слова, взяла поднос и поставила его на колени. Она принесла те же коробки с одеждой, что и вчера.

- Сеньор велел вам переодеться после завтрака, - сказала она своим обычным монотонным голосом.

- Хорошо, - тихо ответила я.

Это было первое слово, которое я сказала ей, и она снова удивленно вскинула брови. Она вышла, оставив дверь незапертой. Я замерла. Незапертой? Я медленно поднялась и подошла к двери. Осторожно потянула ручку на себя. Дверь открылась. Сердце забилось чаще. Свобода? Я выглянула в коридор. Он был пуст и тих. Но я знала, что это иллюзия. Где-то там, за поворотом, или внизу, у лестницы, стоит один из его псов. А камеры следят за каждым моим шагом. Это был не подарок. Это был тест. Проверка, усвоила ли я вчерашний урок.

Я закрыла дверь и вернулась к завтраку. Я ела медленно, заставляя себя проглотить каждый кусок. Это было не просто топливо для тела. Это был мой первый шаг в новой игре. После еды я открыла одну из коробок. Достала простые темно-синие джинсы и мягкий серый кашемировый свитер. Сняла свою старую одежду, аккуратно сложила ее и положила в пакет, который оставила Елена. Это было похоже на ритуал прощания. Я прощалась с Кьярой Росси, свободной девушкой, у которой был дом и отец. Надевая на себя чужие вещи, я надевала маску. Маску покорности.

Новая одежда была невероятно удобной и сидела идеально. Но я чувствовала себя в ней, как в чужой коже. Как будто я играю роль в страшном спектакле. Я расчесала волосы и умылась. Когда я снова посмотрела в зеркало, то увидела ту же девушку, но что-то в ее взгляде изменилось. Страх уступил место холодной, отстраненной решимости.

Через час Елена вернулась за подносом и пакетом с моей одеждой. Она окинула меня быстрым взглядом, кивнула, словно одобряя, и вышла. Я осталась одна. Я не знала, чего ждать. Буду ли я сидеть в этой комнате весь день, всю неделю, всю жизнь?

Я подошла к книжной полке. На ней стояло несколько безликих романов в мягких обложках, очевидно, оставленных для развлечения случайных гостей. Я взяла одну из легких книг, но не могла сосредоточиться на строчках. Мой мозг лихорадочно работал, анализируя ситуацию. Мне нужна информация. Мне нужно знать больше об этом месте, об этом человеке.

Дверь снова открылась. На пороге стоял он. Алессандро.

Он был одет не в деловой костюм, а в простые черные брюки и серую футболку-хенли с длинным рукавом, которая обтягивала его мощный торс и широкие плечи. Без пиджака и галстука он выглядел моложе, но еще более хищным и опасным, как пантера в своей естественной среде обитания. Он окинул меня долгим, оценивающим взглядом, задержавшись на том, как сидит на мне одежда, которую он выбрал. В его глазах я увидела тень удовлетворения. Он думал, что победил. Пусть думает.

- Вижу, ты наконец-то проявила благоразумие, - произнес он, входя в комнату. Он остановился в нескольких шагах от меня. - Дверь теперь будет открыта. Ты можешь выходить из комнаты.

Мое сердце подпрыгнуло, но я заставила себя сохранить невозмутимое выражение лица.

- Что это значит? - спросила я ровным голосом.

- Это значит, что я даю тебе иллюзию свободы, - на его губах появилась легкая усмешка. - Ты можешь перемещаться по этому этажу и этажом ниже, в гостиной и на кухне. Но не пытайся спуститься в гараж или подойти к входной двери. Мои люди получили очень четкие инструкции. Любая попытка побега будет пресечена. Болезненно. Ты меня поняла?

- Поняла, - тихо ответила я.

- Хорошо, - он кивнул. - С этого дня ты будешь завтракать, обедать и ужинать со мной. За общим столом. Я хочу тебя видеть.

Это было еще одно правило. Еще одна цепь, только невидимая. Он хотел контролировать меня, держать на коротком поводке.

- И еще одно, - он подошел совсем близко, и я инстинктивно напряглась. Он протянул руку и взял книгу из моих рук. Прочитал название и усмехнулся. - Мусор. Если хочешь читать, в моем кабинете есть библиотека. Можешь выбрать что-нибудь стоящее.

Он бросил легкую книжку обратно на полку.

- Собирайся. Мы идем обедать.

Он не ждал моего ответа. Просто развернулся и вышел в коридор, ожидая, что я последую за ним. Я глубоко вздохнула, собирая всю свою волю в кулак, и вышла из своей комнаты впервые за эти страшные два дня. Он стоял, прислонившись к стене, и ждал меня. Когда я подошла, он молча пошел вперед, и мне ничего не оставалось, как идти за ним.

Мы спустились по широкой лестнице в огромную столовую, которую я еще не видела. Длинный стол из темного дерева, который мог бы вместить двадцать человек, был накрыт на двоих на самом конце. Елена уже ставила на стол блюда. Алессандро сел во главе стола, указав мне на стул справа от него. Я села, чувствуя себя неуютно под его пристальным взглядом.

Обед прошел в гнетущей тишине. Я ела, не поднимая глаз, чувствуя на себе его изучающий взгляд. Он не пытался заговорить. Он просто наблюдал. И это было хуже любых слов. Я чувствовала себя бабочкой под стеклом, которую препарируют холодным, любопытным взглядом. Когда с едой было покончено, он откинулся на спинку тяжелого стула.

- Теперь ты пойдешь со мной.

- Куда? - не удержалась я от вопроса.

- В мой кабинет, - ответил он. - Я буду работать, а ты будешь сидеть тихо и читать. Я хочу, чтобы ты привыкала к моему присутствию.

Это было не просто правило. Это была пытка. Он не просто запер меня в своем доме, он хотел запереть меня в своем мире, сделать частью своего интерьера. Но я лишь молча кивнула. Я буду играть по его правилам. Пока не найду способ их переписать.

Глава 7. Запах ее страха. Алессандро

Победа имеет сладкий вкус. Вчера вечером, когда она, сломленная и покорная, ела из моих рук, я ощутил этот вкус в полной мере. Вкус её унижения, её бессилия. Я оставил её, уверенный, что первый и самый важный барьер её сопротивления пробит. Я ожидал, что сегодня утром увижу её такой же - подавленной, с потухшим взглядом. Но Кьяра Росси снова сумела меня удивить.

Я наблюдал за ней через камеру с самого утра. Я видел, как она проснулась после ночи, которая, судя по её метаниям во сне, была полна кошмаров. Но вместо того чтобы впасть в апатию, она словно обрела новое, холодное спокойствие. Она съела завтрак без принуждения. Она безропотно переделась в одежду, которую я ей прислал. Когда она стояла передо мной в коридоре, в простом сером свитере и джинсах, которые лишь подчеркивали её хрупкость, я не увидел в её глазах вчерашнего отчаяния. Я увидел пустоту. Холодную, отстраненную, как у солдата, идущего в бой. И я понял: она не сдалась. Она сменила тактику.

Этот вывод не разозлил меня. Напротив, он вызвал у меня прилив азарта. Она оказалась умнее, чем я предполагал. Она поняла, что открытый бунт бесполезен, и решила играть в мою игру. Что ж, тем интереснее. Я решил подыграть ей, расширить границы её клетки, дать ей почувствовать иллюзию контроля. Пусть думает, что обманывает меня. Я позволю ей ходить по дому, есть со мной за одним столом, даже сидеть в моем кабинете. Чем ближе она будет, тем легче мне будет её изучать, находить её болевые точки. И тем быстрее я получу то, что мне нужно. Информацию.

Обед в молчании был частью моего плана. Я хотел посмотреть, как она будет себя вести в новой обстановке, на моей территории. Она держалась с достоинством, не суетилась, не показывала страха, но я видел, как напряжены её плечи, как крепко она сжимает вилку. Я чувствовал её страх. Он витал в воздухе, смешиваясь с тонким ароматом её духов. Этот запах - ваниль и страх - сводил меня с ума. Он пробуждал во мне самые темные инстинкты. Инстинкты хищника, который чует свою жертву.

Сейчас она сидела в глубоком кожаном кресле в углу моего кабинета. Я намеренно выбрал для неё это место - оттуда она могла видеть меня, но не видела изображения на моих мониторах. Я дал ей в руки тяжелый том - "Медею" Еврипида. История о женщине, которая ради мести пожертвовала всем, даже собственными детьми. Символично. Я хотел посмотреть, поймет ли она намек.

Я сел за свой массивный дубовый стол, центр моей империи. Отсюда я управлял всем. Я погрузился в работу - просматривал отчеты, отвечал на зашифрованные сообщения, отдавал приказы. Но часть моего внимания была полностью сосредоточена на ней. Я слышал каждый шорох страницы, которую она переворачивала, каждое её едва заметное движение. Она сидела неподвижно, погруженная в чтение. Или делала вид, что погружена. Её спокойствие было маской, и я собирался сорвать её.

- Твоему отцу нравились старые книги, - произнес я в тишину, не отрывая взгляда от экрана. Я бросил наживку.

Она вздрогнула, так едва заметно, что другой бы и не заметил. Но я заметил.

- Я не хочу говорить о нем, - её голос был тихим, но твердым.

- А придется, - я повернулся к ней, откинувшись в своем кресле. Я сцепил пальцы в замок и посмотрел на неё в упор. - Твой отец оставил после себя много грязи, Кьяра. Незаконченные дела, сомнительные партнеры. И некоторые из этих партнеров теперь создают проблемы мне.

Она молчала, её лицо стало непроницаемым. Книга в её руках была закрыта, палец заложен между страниц. Она была готова к обороне.

- Я ничего не знаю о его делах, - отрезала она.

- Ты уверена? - я усмехнулся. - Ты жила с ним. Ты не могла не слышать имен, названий компаний, не видеть людей, которые приходили к нему в дом. Например, люди из клана Моретти. Он часто с ними встречался?

При упоминании Моретти её пальцы чуть сильнее сжали книгу. Попал.

- Я не знаю, о ком вы говорите.

- Ложь, - сказал я спокойно. - Плохая ложь, Кьяра. Я ненавижу, когда мне лгут. Я задам вопрос еще раз. Твой отец работал с Моретти?

Она подняла на меня глаза, и в них снова вспыхнул огонь.

- Даже если бы я что-то знала, я бы никогда вам не сказала. Вы убили его. Вы мой враг. Я лучше умру, чем помогу вам.

- Смерть - это легкий выход, - я медленно поднялся и обошел стол. Я подошел к её креслу и навис над ней, уперевшись руками в подлокотники. Она оказалась в ловушке, вынужденная смотреть на меня снизу вверх. Я наклонился так близко, что наши лица разделяли считанные сантиметры. Я видел, как расширились её зрачки, как забила жилка на её нежной шее. - Есть вещи и похуже смерти. Я могу сделать твою жизнь невыносимой. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Я могу забрать у тебя всё, даже твой разум. А могу быть... щедрым. Ты поможешь мне, и я, возможно, сделаю твое существование здесь более сносным.

Она смотрела на меня, её губы были плотно сжаты. Я видел в её глазах борьбу. Страх боролся с ненавистью, инстинкт самосохранения - с гордостью.

- Я. Ничего. Не знаю, - процедила она сквозь зубы.

- Жаль, - я выпрямился. - Значит, мы пойдем по трудному пути.

Я вернулся за свой стол. Напряжение в комнате можно было резать ножом. Она снова открыла книгу, но я знал, что она не видит букв. Она думает. Взвешивает варианты. Я дал ей пищу для размышлений. Я показал ей кнут и намекнул на пряник. Теперь ей решать.

Остаток дня прошел в том же молчании. Но это была уже другая тишина. Не гнетущая, а звенящая от невысказанных угроз и скрытого противостояния. Это была тишина перед бурей.

Вечером за ужином она была бледной, но держалась так же стойко. После ужина я не отправил её в её комнату.

- Ты останешься со мной, - сказал я, когда Елена убрала посуду.

Мы перешли в гостиную. Я включил тихую классическую музыку и налил себе бокал вина. Сел на огромный тяжелый диван и указал ей на место рядом с собой. Она колебалась мгновение, но потом села на самый краешек, стараясь держаться как можно дальше.

- Ты боишься меня, Кьяра? - спросил я тихо.

- Я вас ненавижу, - ответила она, не глядя на меня.

- Это не ответ на мой вопрос, - я поставил бокал на столик и повернулся к ней. Я протянул руку и коснулся её щеки. Она отшатнулась, как от огня. Я перехватил её подбородок, заставляя посмотреть на меня. Её кожа была как бархат. - Боишься. И правильно делаешь. Страх заставляет думать. А тебе сейчас нужно очень хорошо подумать над моим предложением.

Я смотрел в её глаза, в эти серые омуты, в которых бушевала буря. И в этот момент я понял, что мечь - это уже не главное. Меня захватила сама игра. Процесс её подчинения, её сопротивление, её страх и её ненависть. Я хотел не просто получить от неё информацию. Я хотел получить её всю. Её мысли, её волю, её душу. Я хотел, чтобы она смотрела только на меня, думала только обо мне. Неважно, с любовью или с ненавистью.

Я отпустил её.

- Иди в свою комнату, - сказал я глухо. - У тебя есть время до завтрашнего утра, чтобы принять правильное решение.

Она почти бегом выскользнула из гостиной. Я остался один, глядя на огонь, который зажег в камине. Она примет правильное решение. Потому что она боец, а бойцы хотят жить. А я я понял, что нашел себе самую интересную игрушку за всю свою жизнь. И я не успокоюсь, пока не выиграю.

Глава 8. Слабое звено. Кьяра

Я бежала. Не физически - мои ноги несли меня по тихому, освещенному тусклыми светильниками коридору, - а мысленно. Я бежала от его взгляда, от его голоса, от ощущения его пальцев на моей коже. Забежав в свою комнату, я захлопнула дверь, хотя знала, что этот легкий кусок дерева - не преграда для него, и прислонилась к ней спиной, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Воздух! Мне нужен был воздух. Комната, еще вчера казавшаяся огромной тюрьмой, теперь стала единственным убежищем, местом, где я могла хотя бы на время скрыться от его всепроникающего присутствия.

"У тебя есть время до завтрашнего утра, чтобы принять правильное решение". Его слова эхом отдавались в моей голове. Правильное решение. Для кого правильное? Для него, разумеется. Он не оставил мне выбора, он лишь создал его иллюзию. Кнут или пряник. Предательство памяти отца или жизнь, превращенная в персональный ад. Он загнал меня в угол, как крысу в лабиринте, и теперь с любопытством наблюдал, в какую сторону я метнусь.

Я подошла к окну и всмотрелась в ночной город. Огни внизу мерцали, равнодушные к моей судьбе. Там, внизу, была моя прошлая жизнь, мои друзья, мое будущее. А здесь, наверху, в этой стерильной роскошной клетке, было только настоящее. Страшное, неопределенное, и полностью зависящее от воли одного человека. Монстра.

Моретти. Я знала эту фамилию. Я не была так глупа и наивна, как он, возможно, думал. Я выросла в этом мире, пусть и за высоким забором, который построил вокруг меня отец. Я слышала имена, обрывки разговоров по телефону, видела лица людей, которые приезжали к нам в дом. Отец никогда не говорил со мной о делах напрямую, он оберегал меня, но тени его мира все равно проникали в мой. Фамилия Моретти всегда произносилась с оттенком презрения и осторожности. Это были конкуренты, шакалы, как говорил отец, которые ждут любой возможности, чтобы вцепиться в горло. Я помнила одного из них, молодого, с заносчивой ухмылкой и бегающими глазками, который однажды приехал с отцом и слишком долго и сально на меня смотрел. Отец тогда быстро его выпроводил и после этого запретил мне даже выходить в гостиную, когда у него были "деловые" гости.

Знал ли отец что-то о них? Сотрудничал ли с ними? Я не знала. Но даже если бы знала, я бы скорее откусила себе язык, чем рассказала что-то Алессандро. "Я лучше умру, чем помогу вам". Я произнесла эти слова, и я верила в них. Но его ответ... "Есть вещи и похуже смерти". И я ему верила. Я видела это в его глазах. Он не блефовал. Он способен на любую жестокость, чтобы добиться своего. Я слышала его приказ по поводу того несчастного, который разговаривал с людьми Моретти. Он не просто убьет меня. Он будет уничтожать меня медленно, мучительно, получая от этого удовольствие.

Всю ночь я не спала. Я сидела в кресле, укутавшись в легкий плед, и думала. Я перебирала в уме все возможные варианты, но каждый из них вел в тупик. Молчать - значит обречь себя на пытки. Говорить - значит предать отца и стать соучастницей этого чудовища. Был ли третий путь?

Я должна была что-то ему дать. Крошку. Маленькую, незначительную деталь, которая удовлетворит его на время, заставит поверить, что я сломалась и готова сотрудничать. Это даст

мне передышку. Время. А время - это единственное, что сейчас может сыграть мне на руку. Мне нужно выиграть время, чтобы найти его слабое место.

Что я могла ему сказать? Я начала копаться в своей памяти, просеивая обрывки воспоминаний, как золотоискатель просеивает тонны песка в поисках крупницы золота. Встречи отца, его редкие поездки, странные звонки И вдруг я вспомнила. Один вечер, примерно полгода назад. Отец был взволнован. Он долго говорил по телефону, ходя по кабинету. Я случайно проходила мимо и услышала, как он произнес: "Нет, встреча только в "Старой гавани". Это нейтральная территория. Я не доверяю этим ублюдкам ни на грош". "Старая гавань" - это был старый, заброшенный ресторан на набережной, который давно выкупили и никак не могли отреставрировать. Я не знала, с кем он встречался. Но это было что-то. Крошка информации. Достаточно, чтобы показать мою "готовность" к сотрудничеству, но слишком мало, чтобы реально ему помочь. Идеально.

Приняв решение, я почувствовала себя немного спокойнее. Я не предаю отца. Я обману его убийцу. Я вступлю в его игру, но буду играть по своим правилам.

Утром я тщательно подготовилась к встрече с ним. Я приняла душ, надела свежую одежду из тех, что он мне прислал - черные брюки и белую шелковую блузку. Я даже слегка подкрасила ресницы и губы, чтобы не выглядеть измученной. Я должна была выглядеть не сломленной, а принявшей рациональное решение.

Когда я спустилась к завтраку, он уже сидел за столом, читая что-то на планшете. Он поднял на меня взгляд, и я выдержала его, не отводя глаз.

- Я приняла решение, - сказала я, садясь на свое место.

Он отложил планшет, и все его внимание сосредоточилось на мне.

- Я слушаю.

- Я помогу вам, - сказала я ровным, холодным голосом. - Но у меня есть условия.

На его лице промелькнуло удивление, которое тут же сменилось насмешливой ухмылкой.

- Условия? Ты не в том положении, чтобы ставить условия, Кьяра.

- Тем не менее, - я не дала ему сбить себя с толку. - Первое. Вы больше никогда не прикаснетесь ко мне без моего согласия. Второе. Я хочу получить доступ к книгам и, возможно, к интернету. Без связи с внешним миром, разумеется. Я не хочу сойти с ума в четырех стенах.

Он смотрел на меня несколько долгих мгновений, его светлые глаза изучали меня, пытались понять, блефую я или нет.

- Интересно, - наконец произнес он. - Ты просишь о малом. Хорошо. Я принимаю твои условия. Пока. Но учти, если твоя информация окажется бесполезной, или если я почувствую, что ты лжешь, наш договор будет расторгнут. И тогда никаких правил больше не будет. Теперь говори. Моретти.

Я сделала глубокий вдох.

- Я не знаю многого, - начала я, тщательно подбирая слова. - Отец никогда не посвящал меня в дела. Но я знаю, что он им не доверял. Он называл их шакалами.

- Это я и так знаю, - нетерпеливо перебил он. - Мне нужны детали. Имена, места, даты.

- Я помню, что около полугода назад он готовился к какой-то важной встрече. Он был очень напряжен. Я слышала, как он говорил по телефону, что встреча должна состояться только в одном месте. В ресторане "Старая гавань" на набережной. Он сказал, что это нейтральная территория.

Я замолчала, наблюдая за его реакцией. Его лицо стало непроницаемым, но я увидела, как блеснули его глаза. Он зацепил наживку. Он знал это место.

- "Старая гавань" ... - повторил он задумчиво. - Да, это в их стиле. Встречаться на руинах. Что-то еще?

- Нет, - твердо ответила я. - Это все, что я слышала.

Он долго молчал, барабанил пальцами по столешнице. Я чувствовала, как напряжение нарастает. Он поверил мне? Или понял, что это лишь крошка, брошенная, чтобы отвлечь его?

- Хорошо, - сказал он наконец. - Начнем с этого. Мои люди проверят твою информацию. А ты, - он встал из-за стола, - пойдешь со мной.

- Куда?

- Ты просила книги? Пойдем в библиотеку. Покажешь мне, что предпочитает читать мой маленький информатор.

В его голосе звучала откровенная издевка, но я проигнорировала ее. Я встала и последовала за ним. Мой план сработал. Пока сработал. Я выиграла время. Но я понимала, что это лишь начало. И следующая его проверка может оказаться куда более серьезной. Я шла за его широкой спиной и думала о том, что добровольно вхожу все глубже в логово льва, и с каждым шагом путь назад становится все длиннее.

Глава 9. Трещина в броне. Алессандро

Её "условия" вызвали у меня усмешку. Это было так предсказуемо, так по-женски. Просить о книгах и личном пространстве, когда твоя жизнь висит на волоске. Она играла роль пленницы, которая пытается сохранить остатки достоинства. Мило. Но я видел за этой маской холодный, расчетливый ум. Она не сломалась. Она не сдалась. Она пошла на тактическое отступление, чтобы перегруппироваться. Она бросила мне кость - информацию о "Старой гавани" - в надежде, что я, как голодный пес, вцеплюсь в неё и оставлю хозяйку в покое на какое-то время.

Я принял её условия. Я сделал вид, что поверил ей. Пусть думает, что её хитрый план сработал. Пусть расслабится, почувствует себя в безопасности. Это именно то, что мне было нужно. Человек говорит правду только тогда, когда думает, что его не подозревают во лжи.

Информация о "Старой гавани" была интересной, но не более. Мы и так знали, что Моретти и Росси иногда встречались на нейтральных территориях, и это заброшенное место идеально подходило для их грязных сделок. Но тот факт, что она дала мне именно это, а не что-то более существенное, говорил о многом. Она либо действительно знает очень мало, либо она очень умная лгунья. И я склонялся ко второму варианту.

Я привел её в библиотеку. Это было мое святилище, единственное место в доме, где не было показной роскоши пентхауса. Две стены от пола до потолка были заставлены стеллажами из темного дерева. На полках стояли сотни книг в кожаных переплетах: классика, философия, история, военная стратегия. Здесь был мой мир, мир знаний и порядка, то, чего мне так не хватало в детстве. Я наблюдал, как она осматривалась. В её глазах промелькнуло неподдельное восхищение. Она провела пальцами по корешкам книг, её лицо смягчилось. В этот момент она не была пленницей или дочерью моего врага. Она была просто девушкой, которая любит читать. И эта мимолетная уязвимость, эта трещина в её броне, была для меня ценнее любой информации.

- Выбери, что хочешь, - сказал я, садясь в одно из двух массивных кожаных кресел, стоявших у незажженного камина.

Она долго ходила вдоль полок, и я следил за каждым её движением. Она не просто хватала первую попавшуюся книгу. Она выбирала. Её выбор пал на сборник сонетов Шекспира и "Сто лет одиночества" Маркеса. Неплохой вкус. Она села в кресло напротив, открыла Шекспира и погрузилась в чтение, или, по крайней мере, сделала вид.

Я тоже взял книгу - "Государя" Макиавелли, которую перечитывал раз в год, - но не мог сосредоточиться. Её присутствие отвлекало. Она сидела напротив, такая тихая, такая хрупкая в этом огромном кресле, и в то же время я чувствовал исходящую от неё силу, упрямство, которое не смогли сломить ни смерть отца, ни плен. Меня раздражало, что я думаю о ней не как об инструменте мести или источнике информации, а как о... женщине. Я отмечал, как свет из окна золотит её темно-русые волосы, как изящно изгибается её шея, когда она наклоняет голову над книгой, как она неосознанно покусывает нижнюю губу, когда чем-то увлечена.

Я разозлился. На неё. На себя. На это непрошеное, неуместное чувство. Она - враг. Дочь человека, из-за которого погиб мой брат. Я должен её ненавидеть, использовать и выбросить. Но вместо этого я сижу и люблю её, как подросток.

- Твой отец читал тебе в детстве? - снова спросил я, нарушая тишину. Мне нужно было вернуть наши отношения в прежнее русло. В русло палача и жертвы.

Она подняла на меня глаза, и на мгновение в них промелькнула растерянность, словно я вырвал её из другого мира.

- Да, - ответила она тихо. - Он любил книги.

- Я знаю. У него была неплохая коллекция. Особенно ему нравились редкие издания о военных походах Александра Македонского. Ирония судьбы, не так ли? Человек, который всю жизнь действовал из-за спины, как шакал, восхищался величайшим стратегом в истории.

Я намеренно ударил по больному, по её воспоминаниям. Я хотел увидеть боль в её глазах, вернуть её в реальность. И я увидел. Её лицо снова стало жестким, уязвимость исчезла.

- Вы ничего не знаете о моем отце, - процедила она.

- О, я знаю достаточно, - я отложил книгу. - Я знаю, что он был предателем. Что он заключил сделку с моим отцом, а потом нарушил её, решив, что может занять его место. Я знаю, что он подставил моего брата, отправив его на верную смерть. Так что не надо рассказывать мне сказки о том, каким он был прекрасным человеком. Для тебя он, может, и был любящим отцом. Для всего остального мира он был лживой крысой.

Она вскочила на ноги, её глаза метали молнии. Легкая книга упала на пол.

- Не смейте так говорить о нем! Вы сами убийца и бандит! Вы не лучше его!

- Я никогда и не говорил, что я лучше, - я медленно поднялся ей навстречу. - Разница между нами в том, что я никогда не предаю своих. Я защищаю свою семью. А твой отец ради власти был готов пожертвовать кем угодно. Он заплатил за это своей жизнью. И ты платишь за это своей свободой. Справедливый обмен.

Я подошел к ней вплотную. Она не отступила, смотрела на меня с вызовом, её грудь вздымалась от гнева. Она была прекрасна в своей ярости. Живая, настоящая, не сломленная. И в этот момент я захотел её так, как не хотел ни одну женщину в своей жизни. Я захотел не просто обладать её телом. Я захотел сломить её ярость, подчинить её волю, заставить её стонать подо мной не от боли, а от удовольствия. Я хотел, чтобы она ненавидела меня и желала одновременно.

Я протянул руку и коснулся её щеки. Она не отшатнулась. Она замерла, и я почувствовал, как по её телу прошла дрожь. Не от страха. Это было что-то другое.

- Ненавидишь меня, Кьяра? - прошептал я, проводя большим пальцем по её скуле.

- Больше всего на свете, - выдохнула она, не отрывая от меня взгляда.

- Хорошо, - я наклонился и коснулся губами её губ. Легко, почти невесомо. Это не был поцелуй. Это была проба. Угроза. Обещание. Её губы были мягкими и горячими. На мгновение она замерла, а потом со всей силы оттолкнула меня.

В её глазах стояли слезы ярости и унижения.

- Вы нарушили свое слово! Вы сказали, что не прикоснетесь ко мне!

- Я не прикоснулся, - усмехнулся я. - Я тебя попробовал. И, должен сказать, мне понравилось.

Я отошел от неё и поднял с пола книгу. Протянул ей.

- Наше время в библиотеке на сегодня окончено. Иди в свою комнату. И подумай над тем, что ложь имеет свою цену. Твоя ложь о «Старой гавани» стоила тебе этого. Следующая будет стоить гораздо дороже.

Она выхватила книгу у меня из рук и выбежала из библиотеки. Я остался один, чувствуя на своих губах её вкус. Я блефовал. Я не знал наверняка, лжет она или нет. Но её реакция, её страх, смешанный с гневом, сказали мне больше, чем любые слова. Она что-то скрывает. И я узнаю, что именно. Я нашел её слабое место. Это не страх за свою жизнь. Это её гордость и её ненависть ко мне. И я буду давить на эту точку снова и снова, пока она не треснет, как скорлупа, открывая мне доступ к тому, что скрыто внутри.

Глава 10. Точка невозврата. Кьяра

Я выбежала из библиотеки, словно за мной гнались все демоны ада, и самым страшным из них был он - Алессандро Де Стефано. Я не помнила, как добежала до своей комнаты. Дверь захлопнулась за мной, и я прижалась к ней спиной, тяжело дыша. Мои губы горели. Они горели от его прикосновения, от этого легкого, почти невесомого поцелуя, который был оскорбительнее и унижительнее самой жестокой пощечины. Он не просто коснулся меня. Он попробовал. Как пробуют фрукт на рынке, прежде чем купить. Он оценил меня. И ему понравилось.

Книга Шекспира выпала из моих ослабевших пальцев и глухо стукнулась о мягкий ковер. Я поднесла дрожащие руки к губам, касаясь их кончиками пальцев. Я чувствовала его фантомное присутствие, его запах, его тепло. И это было отвратительно. Но еще отвратительнее была та предательская дрожь, что пробежала по моему телу в тот момент, когда он был так близко. Я не отшатнулась сразу. На какое-то бесконечное мгновение я замерла, парализованная его близостью, его темной, гипнотической силой. И я ненавидела себя за эту слабость.

"Вы нарушили свое слово!" - кричала я ему. А он, усмехнувшись, заявил, что это цена за мою ложь. Он блефовал. Он не мог знать наверняка, что я сказала ему не все. Но он надавил на самое больное место, и моя реакция выдала меня с головой. Он играл со мной, как кошка с мышкой, наслаждаясь каждым моим вздрагиванием, каждым испуганным вздохом. Он получал удовольствие от моей боли, от моего унижения.

Ярость, горячая, как лава, захлестнула меня, вытесняя страх и растерянность. Хватит! Я устала быть жертвой. Я устала сидеть в этой золотой клетке и ждать, когда мой тюремщик решит поиграть со мной снова. Мой план быть тихой и покорной провалился с оглушительным треском. Он не оставит меня в покое. Он будет давить, провоцировать, ломать меня, пока не получит то, что хочет. Или пока я не превращусь в безвольную куклу. Но я не кукла. Я Кьяра Росси. И я больше не буду прятаться.

Словно в тумане, я развернулась и вышла из комнаты. Я не знала точно, что собираюсь сделать, что сказать. Я знала только одно - я не могу оставить это просто так. Я не позволю ему думать, что он может нарушать свои же правила и оставаться безнаказанным. Я шла по коридору, и каждый мой шаг был наполнен холодной, звенящей решимостью.

Я нашла его в гостиной. Он стоял у панорамного окна, спиной ко мне, и смотрел на ночной город. В руке он держал бокал с вином. Огонь в камине отбрасывал на его мощную фигуру дрожащие кроваво-красные блики. Он был похож на дьявола, созерцающего свои владения. Он не обернулся, когда я вошла. Он знал, что я приду.

- Вернулась так скоро? - его голос был спокойным, с нотками насмешки. - Не хватило Шекспира, чтобы успокоить нервы?

- Вы - лжец, - выплюнула я, останавливаясь посреди комнаты.

Он медленно повернулся. На его лице не было ни удивления, ни злости. Только холодное, изучающее любопытство.

- Я никогда не лгу, Кьяра. Я просто иногда говорю не всю правду. Это разные вещи.

- Вы дали мне слово, что не прикоснетесь ко мне! Это было частью нашего договора!

- И я его не нарушил, - он сделал шаг мне навстречу. - Договор касался физического насилия. Я тебя не ударил. Не причинил тебе боли. Я лишь выразил свое неудовольствие твоей ложью.

- Вы унизили меня!

- Ты сама себя унизила, когда решила, что можешь меня обмануть, - он сделал еще один шаг. Расстояние между нами стремительно сокращалось. - Ты думаешь, я идиот? Думаешь, я не понял, что ты бросила мне жалкую подачку, чтобы я от тебя отстал?

Я отступила назад, пока не уперлась бедрами в край тяжелого кожаного дивана. Он подошел вплотную, и я снова оказалась в его ловушке. Он был так близко, что я могла видеть золотистые искорки в его светлых глазах.

- Я сказала вам все, что знала!

- Нет, - прошептал он, наклоняясь ко мне. Его горячее дыхание коснулось моей щеки. - Ты знаешь больше. Ты просто боишься. Боишься предать папочку-убийцу. Но ты предашь. Рано или поздно. Ты расскажешь мне все.

Его рука легла на диван рядом со мной, отрезая путь к отступлению. Второй рукой он коснулся моей шеи, его пальцы были холодными от бокала с вином. Я вздрогнула, но не отстранилась. Я заставила себя стоять прямо, глядя ему в глаза с вызовом.

- Никогда.

- Никогда не говори "никогда", - его пальцы скользнули вверх, к моему подбородку, и он слегка сжал его. - Я могу быть очень убедительным.

И тут во мне что-то сломалось. Вся моя ярость, весь мой страх, все мое отчаяние последних дней слились в один-единственный безумный порыв.

- Тогда докажите! - выкрикнула я ему в лицо. - Хватит ходить вокруг да около! Хватит играть в свои жестокие игры! Вы хотите меня сломать? Так ломайте! Возьмите то, что вам нужно, и покончим с этим!

Его глаза потемнели. Удивление на мгновение сменило холодную уверенность. Он не ожидал этого. Он ожидал слез, мольбы, но не этого отчаянного, самоубийственного вызова.

- Ты не понимаешь, о чем просишь, - его голос стал хриплым.

- Я все понимаю! - мой голос дрожал, но я продолжала. - Я понимаю, что нахожусь в вашей власти. Что вы можете сделать со мной все, что угодно. Так делайте! Или вы только на словах такой смелый, Алессандро?

Я сама не верила, что говорю это. Это было безумие. Я бросала вызов дикому зверю, провоцировала его наброситься. Но я больше не могла терпеть это медленное, мучительное удушение. Лучше быстрая смерть, чем бесконечная пытка.

Его лицо превратилось в непроницаемую маску. Он убрал руку от моего подбородка и просто смотрел на меня. Секунды тянулись, как вечность. Я видела, как в глубине его глаз разгорается темное, опасное пламя.

- Ты сама этого захотела, Кьяра, - пророкотал он.

И в следующее мгновение его губы впились в мои. Это не было похоже на тот легкий, пробующий поцелуй в библиотеке. Это был яростный, требовательный, собственнический поцелуй. Он не просил, он брал. Он грубо смял мои губы, проникая языком в мой рот, исследуя, подчиняя, клеймя. Я замерла, потрясенная его напором. Одна его рука обвила мою талию, прижимая меня к себе так, что я почувствовала твердость его мышц через одежду. Другая рука запуталась в моих волосах, оттягивая мою голову назад, давая ему еще больший доступ.

Я должна была бороться. Бить его, царапать, кусать. Но я не могла. Мое тело меня предало. Вместо того чтобы сопротивляться, оно ответило. Ответило на его ярость своей собственной, скрытой до этого момента страстью. Я не знала, что это было - ненависть, страх или что-то еще, темное и неизведанное. Но я вцепилась пальцами в его плечи, отвечая на его поцелуй с таким же отчаянием, с каким бросила ему вызов.

Он оторвался от моих губ, тяжело дыша. Наши взгляды встретились. В его глазах не было ни нежности, ни сочувствия. Только чистое, первобытное желание. Желание обладать.

- Этого ты хотела? - прохрипел он.

Я не ответила. Я не могла. Он толкнул меня, и я упала на мягкую кожу дивана. Он навис надо мной, упираясь руками по обе стороны от моей головы. Я смотрела в его лицо, в его безжалостные глаза, и понимала, что точка невозврата пройдена. Я сама открыла дверь в ад.

Его руки начали исследовать мое тело. Грубо, нетерпеливо. Он рванул тонкую ткань моей блузки, и пуговицы со звоном посыпались на пол. Он смотрел на мою обнаженную грудь, прикрытую лишь тонким кружевом бюстгалтера, и в его глазах вспыхнуло пламя. Его пальцы коснулись моей кожи, и я вздрогнула от этого прикосновения. Он не был нежным. Он изучал меня, как свою собственность, как вещь.

А потом он снова поцеловал меня, и мир вокруг перестал существовать. Остались только его руки, его губы, его тело, которое навалилось на мое. Я чувствовала, как он расстегивает ремень на своих брюках, и паника ледяной волной накрыла меня. Но было уже поздно.

Когда он вошел в меня, я вскрикнула от резкой, острой боли. Слезы хлынули из глаз. Это было не так, как я представляла себе в своих девичьих мечтах. Это было жестоко, больно, унижительно. Он замер на мгновение, словно удивленный. Я почувствовала, как напряглись его мышцы.

- Ты... - прошептал он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на изумление.

Но это длилось лишь секунду. Он снова начал двигаться. Сначала медленно, почти осторожно, а потом все быстрее и яростнее. Боль постепенно начала уступать место чему-то другому. Странному, тянущему, пугающему чувству, которое поднималось из глубины моего тела. Я закусил губу, чтобы не стонать. Я не доставлю ему такого удовольствия. Но мое тело жило своей жизнью. Оно изгибалось под ним, отвечая на его толчки.

Я закрыла глаза, и перед моим внутренним взором пронеслась вся моя жизнь. Жизнь до него. И я поняла, что она закончилась. Прямо здесь, на этом диване, в объятиях убийцы моего отца. Он забирал не просто мою невинность. Он забирал мою душу.

Когда все закончилось, он вышел из меня и просто встал. Он поправил свою одежду, даже не взглянув на меня. Я лежала на диване, разбитая, униженная, с разорванной блузкой и слезами на щеках. Я чувствовала липкую влагу и кровь на своих бедрах.

Он подошел к камину, взял свой бокал с вином и допил его одним глотком.

- Одевайся, - бросил он через плечо, его голос был холодным и пустым. - И иди в свою комнату. Наш разговор окончен.

Он ушел, оставив меня одну в тишине, нарушаемой лишь треском огня в камине. Я медленно села. Каждая часть моего тела болела. Но самая сильная боль была внутри. Он не просто взял мое тело. Он заклеил меня. И я знала, что с этого момента я никогда не буду прежней. Я стала вещью монстра. Его сломанной игрушкой.

Глава 11. Новые правила. Алессандро

Я вышел из гостиной, оставив её там, на диване. Я не обернулся. Я не мог. Если бы я обернулся и увидел её - сломленную, заплаканную, с разорванной одеждой - я не знаю, что бы я сделал. Возможно, вернулся бы и... что? Утешил? Извинился? Это было бы проявлением слабости, которую я не мог себе позволить. Никогда. Особенно не сейчас.

Я прошел в свой кабинет и закрыл за собой тяжелую дубовую дверь. Руки слегка дрожали. Я сжал их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, пока дрожь не прошла. Я подошел к бару и налил себе полный стакан виски. Неразбавленного. Лед сейчас был бы неуместен. Мне нужен был чистый огонь, чтобы выжечь то, что творилось у меня внутри. Я осушил стакан одним глотком. Обжигающая жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения.

Что, черт возьми, это было?

Я подошел к окну и уперся руками в холодное стекло. Город внизу сиял миллионами огней, моя империя, мой мир, где все было подчинено моей воле. Все, кроме одной упрямой девчонки. И меня самого. Сегодня я потерял контроль. Полностью и безоговорочно.

Мой план был прост и изящен. Давить, угрожать, манипулировать, пока она не сломается и не отдаст мне нужную информацию. Я хотел играть с ней, наслаждаться её страхом, её ненавистью. Я хотел подчинить её дух. Но я не планировал этого. Не так.

Её вызов... "Вы хотите меня сломать? Так ломайте!" Эти слова, брошенные мне в лицо с отчаянием самоубийцы, сорвали с меня маску холодного расчета. Она нажала на какой-то скрытый рычаг внутри меня, и зверь, которого я держал на цепи всю свою сознательную жизнь, вырвался на свободу. Я увидел в её глазах не просто страх, а вызов, и я ответил на него так, как умел лучше всего - силой. Я хотел доказать ей, себе, всему миру, что я здесь главный. Что её воля ничего не значит против моей.

Я взял её. Грубо, яростно, как дикарь. Я хотел унижить её, втоптать в грязь её гордость, заставить её молить о пощаде. Но все пошло не так с самого начала.

Она была девственницей.

Эта мысль до сих пор билась в моем мозгу, как набатный колокол. Девственница. В нашем мире. Дочь Марко Росси. Это было невозможно, немислимо. Я ожидал чего угодно - опыта, может быть, даже порочности, скрытой за невинной внешностью. Но не этого. Не чистоты.

В тот момент, когда я почувствовал её боль, её сопротивление, когда я понял, что я у неё первый, что-то во мне оборвалось. На долю секунды зверь внутри отступил, и я увидел, что я наделал. Я не просто наказывал дочь врага. Я рушил что-то хрупкое и чистое. Я забирал то, что нельзя вернуть. И это осознание принесло не триумф, а странное, едкое чувство... почти сожаления. Я тут же задавил его, превратив в новую волну ярости. Но оно было там.

Я снова налил себе виски. Я вспоминал её. Как она отвечала на мой поцелуй - не с нежностью, а с такой же яростью, как будто хотела не целовать, а укусить. Как её тело, несмотря на

боль и страх, отзывалось на мои движения. Она ненавидела меня, презирала, но её тело желало меня. И это сводило меня с ума. Это делало её еще более желанной.

Я победил. Я добился своего. Она сломлена. Унижена. Теперь она будет покорной. Она расскажет мне все, что знает, лишь бы я больше никогда не прикасался к ней. Я должен был чувствовать удовлетворение. Но я не чувствовал. Я чувствовал лишь опустошение и глухую, необъяснимую злость. И еще... еще я чувствовал, что попал в свою собственную ловушку.

До этой ночи она была просто частью плана. Трофеем. Инструментом. Теперь все изменилось. Теперь она была моей. Не просто пленницей. А моей женщиной. Я взял её. Я поместил её. И мысль о том, что кто-то другой может когда-нибудь коснуться её, вызывала во мне приступ слепой, животной ярости. Я сам не заметил, как перешел черту. Я думал, что ставлю клеймо на неё, а на самом деле поставил его на себя. Она стала моей одержимостью. Моей слабостью.

Я сжал стакан так, что он треснул в моей руке. Осколки впились в ладонь. Я почти не почувствовал боли. Я смотрел на тонкие струйки крови, стекающие по моим пальцам. Кровь. Её кровь тоже была на мне, на диване в гостиной. Мы были повязаны кровью.

Я должен был что-то решать. Мой прежний план был разрушен. Я не мог больше просто играть с ней. Отношения между нами вышли на новый уровень, темный и опасный. Я не мог отпустить её. Никогда. После того, что произошло, отпустить её - значило бы отдать её кому-то другому. А она - моя. Навсегда.

Я должен был закрепить свою власть. Показать ей, что эта ночь - не конец, а только начало. Что теперь правила изменились окончательно. Теперь нет никаких "условий" и "договоров". Есть только моя воля.

Я вышел из кабинета. В гостиной было пусто. Она ушла. На диване осталось лишь темное пятно и несколько пуговиц от её блузки. Я поднял одну из них. Маленькая, перламутровая. Я сжал её в своем кулаке.

Я медленно поднялся по лестнице и подошел к двери её комнаты. Она была прикрыта, но не закрыта. Я заглянул в щель. Она лежала на кровати поверх покрывала, свернувшись в клубок, как раненый зверек. Она не плакала. Она просто лежала, глядя в одну точку невидящими глазами. На ней был халат, который она, видимо, нашла в ванной.

Я вошел в комнату. Она вздрогнула, услышав мои шаги, и села, инстинктивно запахивая халат. В её глазах был страх, но под ним, в самой глубине, тлела ненависть. Она не была сломлена. Ранена, унижена, опустошена - да. Но не сломлена. И это вызывало во мне странную смесь злости и уважения.

Я подошел к кровати и сел на край. Она не отползла. Она просто смотрела на меня, готовая к новой атаке.

- С завтрашнего дня ты переезжаешь в мою спальню, - сказал я ровным, лишенным эмоций голосом.

Её глаза расширились от ужаса и неверия.

- Нет...

- Да, - отрезал я. - Ты будешь спать в моей постели. Есть за моим столом. И сопровождать меня везде, где я сочту нужным. Ты больше не гостя и не пленница в отдельной комнате. Ты - моя. И я хочу, чтобы моя вещь всегда была рядом.

- Я не вещь! - прошипела она.

- После этой ночи - именно вещь, - я наклонился к ней. - Ты сама этого хотела, Кьяра. Ты бросила мне вызов. Ты проиграла. Теперь ты живешь по моим правилам. И первое правило - ты принадлежишь мне. Телом, душой и каждой своей мыслью. Привыкай к этому.

Я поднялся и вышел, плотно закрыв за собой дверь. На этот раз я повернул ключ в замке. Иллюзия свободы закончилась. Началась реальность. Моя реальность. И она была её новым, вечным адом. А может быть, и моим тоже.

Глава 12. Пытка ожиданием. Кьяра

Щелчок замка прозвучал в оглушительной тишине, как приговор. Окончательный и не подлежащий обжалованию. Иллюзия свободы, которую он дал мне на несколько часов, лопнула, как мыльный пузырь, оставив после себя лишь горький привкус обмана. Я осталась стоять посреди комнаты, которая еще утром была моим единственным убежищем, а теперь стала просто еще одной клеткой, из которой меня вот-вот переведут в другую - более страшную и тесную.

"С завтрашнего дня ты переезжаешь в мою спальню".

Его слова не просто эхом отдавались в моей голове. Они впивались в мозг раскаленными иглами. В его спальню. В его постель. Туда, где он спит, где он дышит, где он... существует. Это было не просто наказание. Это было поглощение. Он не хотел больше держать меня в соседней комнате, как трофей на полке. Он хотел, чтобы я стала частью его личного пространства, его воздуха, его жизни. Он хотел полностью стереть границы между тюремщиком и пленницей, превратив меня в свою тень.

Я не плакала. Слезы кончились там, на диване в гостиной, вместе с моей кровью и моей невинностью. Внутри меня образовалась выжженная, холодная пустота. Боль в теле была острой, ноющей, унижительной, но она была ничем по сравнению с тем онемением, что сковало мою душу. Он не просто сломал мое тело. Он пытался сломать мой дух. И я чувствовала, как по нему пошли глубокие, уродливые трещины.

Я медленно подошла к кровати и села на край. Я посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Они были холодными и неподвижными, словно чужие. Я все еще была в одном лишь халате. Я представила, как выглядела со стороны там, в гостиной - жалкое, униженное существо. А потом я вспомнила его лицо. В тот момент, когда он понял, что я была... нетронутой. В его глазах на долю секунды промелькнуло нечто похожее на шок. Не жалость, нет. Этот человек не способен на жалость. Скорее, удивление хищника, обнаружившего, что его добыча оказалась не той, кем он ее считал. Это что-то меняло? Нет. Для него это, возможно, лишь повысило мою ценность как трофея. Теперь я была не просто вещью, а вещью с эксклюзивной пометкой: "сломано им лично".

Я встала и пошла в ванную. Мне нужно было смыть с себя этот день. Смыть его запах, его прикосновения, его след внутри меня. Я встала под горячий душ, вода обжигала кожу, но я почти не чувствовала этого. Я терла себя мочалкой до тех пор, пока кожа не покраснела, но ощущение грязи не проходило. Оно было не на коже. Оно было под ней. Оно было в моей крови.

Выйдя из душа, я завернулась в полотенце и подошла к зеркалу. Запотевшее стекло скрывало мое отражение. Я провела по нему рукой. Из туманной дымки на меня посмотрела незнакомка. Та же форма глаз, тот же цвет волос, но взгляд... Взгляд был другим. В нем больше не было огня дерзкой девчонки, которая бросала вызов монстру. В нем был холодный, мертвый блеск осколка льда. В эту ночь он убил Кьяру Росси. Я не знала, кто родится из этого пепла, но это буду уже не я.

На следующее утро я проснулась от тихого стука в дверь. Я не спала, лишь проваливалась в короткие, вязкие полузабытья, полные теней и страха. Я села на кровати, инстинктивно сжимая край одеяла. Дверь открыла Елена. Её лицо, как всегда, было непроницаемым. Она не смотрела на меня с жалостью или презрением. Она смотрела сквозь меня, словно я была предметом мебели.

- Сеньор велел мне помочь вам собрать ваши вещи, - сказала она своим монотонным голосом.

Мои вещи. Несколько комплектов одежды, которые он же мне и купил. Больше у меня ничего не было.

- Я справлюсь сама, - тихо ответила я.

Елена кивнула и вышла, оставив у двери небольшой чемодан. Я встала. Двигалась я медленно, как старая женщина. Каждое движение отдавалось тупой болью внизу живота. Я механически сложила в чемодан свитеры, джинсы, белье. Все то, что он выбрал для меня. Моя старая жизнь уместилась в маленьком пакете, который Елена забрала еще два дня назад. Моя новая жизнь помещалась в этом маленьком чемодане.

Когда я была готова, дверь снова открылась. На пороге стоял он. Свежевыбритый, в идеально сидящем темном костюме, он выглядел как бог из преисподней. Он окинул меня холодным взглядом, затем посмотрел на чемодан.

- Готова? - спросил он так, словно речь шла о поездке на пикник.

Я ничего не ответила. Просто взяла чемодан и пошла за ним. Мы шли по коридору молча. Я смотрела в его широкую спину и чувствовала, как ненависть, холодная и твердая, как сталь, заполняет пустоту в моей душе. Она стала моим стержнем. Единственным, что у меня осталось.

Его спальня находилась в противоположном крыле пентхауса. Она была огромной, выполненной в тех же холодных, безжизненных тонах, что и весь дом. Черный, серый, хром. Гигантская кровать с черным кожаным изголовьем занимала центральное место. Она не выглядела как место для сна. Она выглядела как алтарь для жертвоприношений. Панорамное окно во всю стену открывало тот же захватывающий вид на город. С одной стороны комнаты была дверь в гардеробную, с другой - в ванную. Все было стильно, дорого и абсолютно чуждо.

- Твои вещи можешь разместить в гардеробной. Там есть свободная секция, - бросил он, проходя к окну. - Правила простые. Ты спишь на своей половине кровати. Ты не прикасаешься к моим вещам. И ты не задаешь лишних вопросов. Днем, когда я работаю дома, ты будешь находиться со мной. В кабинете или здесь. Ночью ты будешь здесь. Всегда. Это понятно?

Я молча кивнула, глядя в одну точку.

- Я хочу услышать твой голос, Кьяра.

Я медленно подняла на него глаза.

- Да. Понятно, - мой голос прозвучал глухо и безжизненно.

- Хорошо.

Он ушел, оставив меня одну в этом огромном, холодном пространстве. В его логове. Я открыла чемодан и начала развешивать свои немногочисленные вещи в огромном шкафу, рядом с его безупречными рядами костюмов, рубашек и свитеров. Наши вещи висели рядом, и от этой близости мне стало дурно. Это было так... интимно. И так неправильно.

День прошел как в тумане. Я сидела в кресле в его кабинете, пока он работал. Я держала в руках книгу, но не прочитала ни строчки. Я просто смотрела на буквы, которые расплывались перед глазами. Я чувствовала его взгляд на себе. Он наблюдал за мной, изучал, ждал реакции. Но я не давала ему никакой реакции. Я стала камнем. Холодным, тихим, неподвижным.

Вечером за ужином он пытался заговорить со мной.

- Елена сказала, что ты почти ничего не ела за завтраком. Ты должна есть.

Я молча взяла вилку и заставила себя проглотить несколько кусочков рыбы.

- Так-то лучше, - сказал он. - Я не хочу, чтобы моя игрушка сломалась раньше времени.

Я даже не вздрогнула от его слов. Они больше не могли причинить мне боль. Ничто больше не могло.

Ночь. Это было самое страшное. После ужина он сказал: "Идем спать". И я пошла за ним, как овца на заклание. Я переоделась в ванной в шелковую ночную рубашку, которую нашла среди присланных им вещей. Когда я вышла, он уже лежал в постели, на своей половине. Он был в одних боксерах, и свет от ночника падал на его мощный, покрытый шрамами торс. Он читал что-то на планшете.

Я замерла у двери. Сделать шаг к этой кровати казалось невозможным.

- Я жду, Кьяра, - сказал он, не отрывая взгляда от экрана.

Собрав всю свою волю, я подошла к кровати и легла на самый краешек, на свою половину. Я отвернулась к окну, натянув одеяло до самого подбородка. Я лежала, не дыша, чувствуя его тепло за спиной. Каждый мускул в моем теле был напряжен до предела. Я ждала. Ждала его прикосновения, его грубой силы. Но он не трогал меня. Прошла минута, пять, десять. Я услышала, как он отложил планшет на тумбочку. Свет погас. Комната погрузилась во тьму, лишь огни ночного города пробивались сквозь стекло.

Я слышала его ровное, спокойное дыхание. Он был так близко. Я чувствовала себя мышью в одной клетке с удавом. Я не спала всю ночь. Я просто лежала, глядя в темноту, и слушала, как бьется мое сердце. Это была новая пытка. Пытка ожиданием. Он показывал мне, что может взять меня в любую секунду. Но он не брал. Он заставлял меня жить в вечном страхе, в вечном напряжении. И я поняла, что это и был его план. Он не хотел просто сломать меня. Он хотел владеть моим страхом.

Глава 13. Красивый аксессуар. Алессандро

Ночь была пыткой. Не для неё. Для меня.

Я лежал в своей постели, в своем святилище, и впервые за много лет не чувствовал себя хозяином положения. Она была рядом. Так близко, что я мог бы протянуть руку и коснуться её. Я чувствовал слабое тепло, исходящее от её тела, улавливал тонкий, едва заметный аромат лимона и ванили - запах её мыла. Она лежала спиной ко мне, на самом краю кровати, такая напряженная, что я почти физически ощущал её страх и ненависть. Она ждала, что я прикоснусь к ней. Она была уверена в этом. И именно поэтому я не сделал этого.

Пытка ожиданием была куда более изощренным оружием, чем грубая сила. Я хотел, чтобы она лежала без сна, вздрагивая от каждого моего движения, прислушиваясь к каждому моему вздоху. Я хотел, чтобы её разум был полностью поглощен мыслями обо мне, о том, что я могу сделать с ней в следующую секунду. Я хотел владеть не только её телом, но и её страхом. Я думал, что это будет легко. Что я буду наслаждаться своей властью, своим контролем.

Я ошибся.

Это была пытка и для меня. Её близость сводила с ума. Зверь, которого я выпустил вчера в гостиную, не хотел возвращаться на цепь. Он рычал, требовал своего. Он хотел снова почувствовать её под собой, услышать её крик, увидеть, как ненависть в её глазах сменяется темным, покорным желанием. Мне стоило огромных усилий, чтобы лежать неподвижно, ровно дышать и делать вид, что я сплю. Это была битва с самим собой, и я не был уверен, что выиграю её.

Она стала ядом. Ядом, который я сам ввел себе в кровь, и который теперь медленно распространялся по венам, отравляя мой разум, подчиняя себе мои мысли. Я просыпался среди ночи от кошмаров, в которых видел её заплаканные глаза. Днем, на совещаниях, я ловил себя на том, что смотрю в одну точку, думая о ней. Она стала наваждением. Моей личной, персональной слабостью. И я ненавидел её за это. Ненавидел так же сильно, как желал.

Утром, когда я проснулся, её уже не было в постели. Я услышал шум воды в ванной. Я сел, провел рукой по волосам. Сторона кровати, где она спала, была холодной. Словно её и не было. Но в воздухе витал её запах. Она уже пропитала собой мое пространство. Мой дом. Мою жизнь.

Когда она вышла из ванной, одетая в один из тех безликих свитеров, что я ей купил, она даже не взглянула на меня. Она молча подошла к гардеробной, чтобы взять что-то, и её лицо было похоже на маску. Холодное, отстраненное, безжизненное. Моя покорная, сломленная игрушка. Но я знал, что это ложь. Под этой маской бушевал пожар. Я видел его отблески в глубине её глаз, когда она думала, что я не смотрю. Она не сломалась. Она затаилась. И это делало её в тысячу раз опаснее.

В дверь постучали. Это был Марко, мой заместитель. Я вышел к нему в гостиную, оставив Кьяру в спальне.

- Босс, мы проверили "Старую гавань", - доложил он. - Пустышка. Место чистое. Никаких следов недавних встреч. Наши люди поспрашивали вокруг. Да, Моретти иногда использовали

это место, но последний раз - больше года назад. Информация девчонки - устаревший хлам. Или намеренная дезинформация.

Я сжал кулаки. Я так и думал. Она солгала. Бросила мне кость, чтобы выиграть время. И я, как идиот, сделал вид, что поверил.

- Что еще? - спросил я, мой голос был ледяным.

- Есть кое-что поинтереснее. Мы перехватили один разговор. Один из капо Моретти хватался в баре, что скоро они получают «ключ» к нашей системе. Упомянул какого-то «бухгалтера», который раньше работал на Росси и якобы знает все наши финансовые схемы. Имя не назвал, но сказал, что встреча с ним назначена на сегодня вечером. В отеле "Эксельсиор".

"Эксельсиор". Это была моя территория. Они обнаглели до предела.

- Найдите этого бухгалтера, — приказал я. — Я хочу поговорить с ним до того, как это сделают Моретти. И подготовь ребят. Сегодня вечером мы нанесем визит в «Эксельсиор». Пора напомнить этим шакалам, кто в доме хозяин.

Марко кивнул и ушел. Я остался один. Гнев кипел во мне. Предатель. Крыса из команды Росси. И Кьяра. Она наверняка знала об этом. О бухгалтере, о схемах. Она знала, но подсунула мне бесполезную информацию о заброшенном ресторане. Она водила меня за нос. И за эту ложь она заплатит.

Я вернулся в спальню. Она сидела в кресле у окна с книгой в руках.

- Собирайся, - бросил я.

Она подняла на меня свои пустые глаза.

- Куда? - Сегодня вечером ты идешь со мной.

- Я никуда с вами не пойду, - тихо, но твердо ответила она. Я подошел к ней и вырвал книгу из её рук, отшвырнув её в сторону. Я схватил её за плечи и рывком поднял на ноги.

- Ты не поняла новые правила, Кьяра? Твоего мнения больше никто не спрашивает. Ты делаешь то, что я говорю. Сегодня вечером у меня деловая встреча. И ты будешь на ней присутствовать. В качестве моего красивого аксессуара.

- Я не буду! - в её голосе зазвенела сталь.

- Будешь, - прошипел я ей в лицо, встряхнув её. - Ты наденешь платье, которое тебе принесет Елена. Ты сделаешь прическу и макияж. Ты будешь улыбаться, когда я скажу тебе улыбаться, и молчать, когда я тебе прикажу. Ты будешь играть роль моей покорной любовницы. И если ты хоть одним жестом, хоть одним взглядом покажешь, что это не так, я клянусь, ты пожалеешь, что родилась на свет. Я сделаю с тобой на глазах у всех то, что сделал вчера в гостиной. Ты меня поняла?

Она смотрела на меня, её губы дрожали от ярости и бессилия. Я видел, как она борется с собой. Но она видела в моих глазах, что я не шучу. Она поняла, что я способен на все. Медленно, очень медленно, она кивнула.

- Вот и хорошо, - я отпустил её так резко, что она пошатнулась. - Елена придет через час. Будь готова.

Я вышел, хлопнув дверью. Мне нужен был этот выход. Этот взрыв ярости. Но он не принес облегчения. Я тащил её с собой не просто для того, чтобы наказать. Я тащил её в самое пекло, в отель, где сегодня ночью может пролиться кровь, по другой причине. Я не мог оставить её одну. Я не доверял ей. И еще... я не мог вынести мысли, что она будет здесь, в моей постели, а я буду где-то далеко. Она - мой яд, и я уже не мог без него. Я должен был держать её рядом, даже если это было опасно. Даже если это было безумием.

Глава 14. Наживка для шакалов. Кьяра

Дверь за ним захлопнулась, и звук удара отозвался где-то глубоко внутри меня. Я стояла посреди его огромной спальни, пошатываясь от силы его ярости и унизительности его угроз. "Красивый аксессуар". "Покорная любовница". "Я сделаю с тобой на глазах у всех то, что сделал вчера в гостиной". Каждое слово было пощечиной, каждым словом он вбивал в меня мое новое положение. Я была не просто пленницей. Я была вещью, которую он мог выставлять напоказ, куклой, которую он оденет по своему вкусу и заставит улыбаться, пока внутри все будет кричать от боли и ненависти.

Я медленно опустилась в кресло, из которого он меня вырвал. Руки дрожали. Не от страха. От бессильной, всепоглощающей ярости. Он узнал. Он узнал, что я солгала ему про "Старую гавань". Мой маленький, жалкий план провалился. Я недооценила его. Я думала, что смогу водить за нос монстра, не понимая, что он видит каждый мой шаг, слышит каждую мою мысль. И теперь я должна была заплатить за свою ошибку. И цена была страшной - публичное унижение.

Через час, как он и обещал, в спальню вошла Елена. В руках она держала чехол для одежды и большую коробку из-под обуви. Она молча положила все это на кровать, её лицо, как всегда, было бесстрастным. Она была идеальной слугой в этом царстве ужаса - не видела, не слышала, не сочувствовала.

- Сеньор велел мне помочь вам подготовиться, - сказала она. - Мне начать с прически или с макияжа?

Я посмотрела на нее, и впервые за все время увидела в ее глазах что-то, кроме пустоты. Это была не жалость. Скорее, тень... понимания. Она знала, что происходит. Она знала, что меня везут не на светский раут. Она знала, что я - лишь пешка в его жестокой игре.

- Я справлюсь сама, - мой голос прозвучал на удивление твердо. Я не покажу им слабости. Ни ему, ни его прислуге. Я не доставлю им такого удовольствия.

Елена на мгновение замешкалась, но потом лишь кивнула.

- Как скажете, синьорина. Платье и туфли на кровати. Я буду снаружи, если что-то понадобится.

Она ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась одна с символами моего унижения. Медленно, как во сне, я подошла к кровати и расстегнула чехол. Из него на черное покрывало выскользнула змея из алого шелка. Платье. Оно было невероятно красивым и дьявольски откровенным. Длинное, облегающее, с глубоким вырезом на спине, который уходил почти до поясницы, и высоким разрезом сбоку, который при ходьбе будет обнажать ногу до самого бедра. Цвет был не просто красным. Это был цвет свежей крови. Цвет ярости. Цвет мести. Он выбрал его не случайно. Он хотел, чтобы я была ярким пятном на его темном фоне. Чтобы все видели, кому принадлежит эта женщина в кроваво-красном.

В коробке оказались черные босоножки на тонкой, головокругительной шпильке. Оружие пытки. Я никогда не носила такие высокие каблуки. Но сегодня мне придется.

Я пошла в ванную. Я долго стояла под душем, позволяя воде смыть дрожь с моего тела. Затем я села перед большим зеркалом с подсветкой. Передо мной на столике стоял целый арсенал косметики, который, очевидно, тоже принесла Елена. Я посмотрела на свое отражение. Бледное лицо, темные круги под глазами, взгляд затравленного зверя. Нет. Таким он меня не увидит.

Я буду играть в его игру. Но я буду играть ее по-своему.

Я начала наносить макияж. Не тот легкий, почти незаметный, к которому я привыкла. Я создавала маску. Идеальный тон, скрывший мою бледность. Резко очерченные скулы, придававшие лицу хищное, жесткое выражение. Ярко подведенные глаза - длинные черные стрелки сделали мой взгляд дерзким и колючим. На ресницы я нанесла несколько слоев туши. И в завершение - губы. Я взяла помаду того же кроваво-красного оттенка, что и платье. Мои губы стали ярким, вызывающим пятном на лице. Теперь из зеркала на меня смотрела не Кьяра Росси. На меня смотрела опасная, холодная стерва. Его женщина. Та, которую он хотел видеть.

Волосы я собрала в высокий, тугой пучок, открыв шею и спину. Ни одной выбившейся пряди. Идеальная гладкость. Идеальный холод.

Затем я надела платье. Шелк был холодным и скользким, он струился по телу, обнимая каждый изгиб. Я чувствовала себя голой. Разрез был еще выше, чем я думала. Вырез на спине - еще глубже. Я была выставлена на всеобщее обозрение. Я надела туфли. Они оказались на удивление удобными, хоть и заставили меня выпрямиться, как струна, и каждый шаг делать медленно и обдуманно.

Я посмотрела на себя в зеркало в полный рост. Я не узнавала эту женщину. Она была красива. Хищной, опасной красотой. Она была произведением искусства, созданным для того, чтобы ею любовались и чтобы ее боялись. И я поняла, что это моя единственная защита. Эта маска. Этот образ. Сегодня я не буду жертвой. Я буду его произведением. И я сыграю свою роль так, что он сам пожалеет о своем выборе.

Когда он вошел в комнату, я стояла у окна, спиной к двери. Я услышала его шаги и медленно обернулась. Он замер на пороге. Он был в черном костюме, сшитом на заказ, и бело-снежной рубашке, без галстука. Он был дьявольски хорош. И он смотрел на меня. Не так, как раньше. В его взгляде не было простого удовлетворения от того, что я подчинилась. В нем было что-то еще. Удивление. Восхищение. И темное, голодное желание. Он не ожидал увидеть это. Он ожидал увидеть сломленную, заплаканную девушку, натянувшую на себя красивое платье. А увидел королеву, готовую идти на войну.

- Ты готова, - это был не вопрос, а утверждение. Его голос прозвучал глухо.

- Я всегда готова к тому, чего вы от меня хотите, Алессандро, - ответила я, и мой голос был сладким, как мед, и холодным, как сталь. Я впервые назвала его по имени, и это прозвучало как вызов.

Он медленно подошел ко мне. Он обошел меня кругом, как хищник осматривает свою добычу. Его взгляд скользил по моей спине, по ноге, видневшейся в разрезе платья. Он оста-

новился передо мной и протянул руку, касаясь пальцами моей обнаженной шеи. Я не вздрогнула. Я смотрела ему прямо в глаза.

- Ты хорошо играешь, Кьяра. Но не забывай, кто режиссер этого спектакля.

Он протянул мне маленькую бархатную коробочку. Я открыла ее. Внутри, на черном бархате, лежало тонкое бриллиантовое кольцо. Простое и невероятно дорогое.

- Надень, - приказал он.

Я достала кольцо. Мои пальцы не слушались, и я не могла застегнуть крошечный замок. Он шагнул мне за спину. Я почувствовала его горячее дыхание на своей коже. Он убрал мои руки и сам застегнул кольцо. Его пальцы на мгновение задержались на моей шее, и по моему телу пробежала ледяная дрожь, которую я не смогла скрыть.

- Идем, - сказал он, положив руку мне на поясницу.

Его прикосновение обжигало даже сквозь тонкую ткань платья. Я пошла рядом с ним. Мы спустились вниз. У выхода нас ждали двое его людей. Они окинули меня быстрыми, оценивающими взглядами и тут же отвели глаза.

В машине он сел рядом со мной. Так близко, что наши бедра соприкасались. Я смотрела в окно, на пролетающие мимо огни города. Я не была здесь, снаружи, целую вечность. Но вместо радости я чувствовала лишь пустоту. Я была в стеклянной коробке, которая несла меня из одной тюрьмы в другую.

Отель "Эксельсиор" сиял огнями. Роскошь сочилась из каждой детали интерьера. Швейцары в ливреях, мраморные полы, хрустальные люстры. Алессандро властно держал меня за талию, ведя через холл. Люди оборачивались. Мужчины смотрели на меня с откровенным желанием, женщины - с завистью и любопытством. И все они смотрели на Алессандро со страхом и уважением. Я чувствовала себя трофеем, который вынесли на обозрение. Я подняла голову выше и улыбнулась. Не им. Себе. Я играла свою роль.

Нас проводили в отдельный кабинет в ресторане отеля. За столом уже сидели двое. Одного, постарше, с седыми висками и жестким лицом, я не знала. Второго я узнала сразу. Лука Моретти. Тот самый, с сальной ухмылкой и бегающими глазками. Он ничуть не изменился. Увидев меня, он буквально впился в меня взглядом, не скрывая своего интереса.

- Алессандро, какой сюрприз, - сказал старший Моретти, поднимаясь. - И какая очаровательная спутница.

- Витторио, - кивнул Алессандро. - Лука. Это Кьяра.

Он отодвинул для меня стул, и я села, чувствуя на своей спине похотливый взгляд Луки. Алессандро сел рядом со мной и демонстративно положил руку на мое колено под столом, сжав его так, что я едва не вскрикнула. Это был жест собственника. Послание для Моретти.

Разговор начался. Они говорили о бизнесе, о каких-то поставках, о территориях. Я ничего не понимала и не пыталась. Я сидела с прямой спиной, с легкой улыбкой на губах и

смотрела на Алессандро. Я играла роль обожающей любовницы. Я ловила каждый его взгляд, смеялась, когда он усмехался. А под столом его рука медленно ползла вверх по моему бедру, подбираясь к краю разреза. Это была пытка. Он делал это намеренно, наказывая меня, унижая, и одновременно показывая свою власть над Моретти.

- Так что насчет нашего общего друга? - спросил Витторио Моретти. - Наш бухгалтер немного задерживается.

- Не волнуйся, - ответил Алессандро с ледяной усмешкой. - С вашим бухгалтером уже работают мои люди. Думаю, он сейчас очень подробно рассказывает им о ваших планах.

Лица Моретти изменились. Они поняли. Это была ловушка.

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошел Лео, главный телохранитель Алессандро. Он наклонился и что-то шепнул ему на ухо.

Алессандро встал.

- Что ж, джентльмены, боюсь, наш ужин окончен. Мне было приятно с вами пообщаться.

Он потянул меня за руку, заставляя подняться.

- А как же мы? - вскочил Лука, его лицо было бледным.

- А вы, - Алессандро обернулся, и в его глазах был лед. - Будете ждать моих людей. Они проводят вас в более... подходящее место для дальнейших переговоров.

Он повел меня к выходу. Я не оглядывалась. Я слышала, как за нашими спинами в кабинет входят другие люди. Я не слышала криков. Все было тихо. Профессионально. Смертельно.

Мы вышли из отеля и сели в машину. Дверь захлопнулась, отрезая нас от мира. Адреналин отступил, и меня затрясло. Всю дорогу до пентхауса мы молчали. Он смотрел прямо перед собой, его лицо было похоже на каменную маску. А я смотрела на свои руки и понимала, что только что стала свидетельницей и невольной участницей чего-то страшного. Я была наживкой. И наживка сработала.

Глава 15. Вкус победы. Алессандро

Я смотрел, как она медленно поворачивается, и на мгновение забыл, как дышать. Я ожидал увидеть страх, покорность, может быть, слезы, скрытые за слоем косметики. Я ожидал увидеть жертву, которую я нарядил для заклания. Но я не увидел жертву. Я увидел королеву.

Кроваво-красный шелк обтекал её тело, как вторая кожа. Высокая прическа открывала длинную, гордую шею. А макияж Он превратил её милое лицо в маску хищницы. В её глазах не было мольбы. В них был вызов. Холодный, яростный, как блеск стали. Она приняла мои правила, но переписала их под себя. Она не просто надела платье, которое я выбрал. Она стала этим платьем. Она стала огнем, опасностью, воплощением греха. И я, глядя на нее, понял две вещи. Первая: я никогда в жизни не хотел женщину так сильно, как хочу её в этот момент. И вторая: я создал себе самого прекрасного и самого опасного врага.

Её голос, когда она назвала меня по имени, был как удар хлыста. Сладкий и резкий одновременно. Она играла. И играла гениально. Я подошел, коснулся её шеи, чтобы напомнить ей, кто здесь хозяин, кто держит поводок. Но даже когда я застегивал на ней бриллиантовый ошейник, я чувствовал её непокорность. Она не дрожала от страха. Она вибрировала от сдерживаемой ярости. И это возбуждало до безумия.

Всю дорогу до отеля, весь путь через холл, я чувствовал на себе взгляды. Завистливые, похотливые, испуганные. И я упивался ими. Она была моим живым трофеем, моим заявлением. Смотрите все. Вот моя власть. Она настолько велика, что я могу взять дочь своего врага, одеть ее в шелка и бриллианты и заставить ее смотреть на меня с обожанием. Они видели лишь фасад. Они не видели той войны, что шла между нами. И это делало момент еще слаще.

План на вечер был прост, как удар ножа. Я знал, что Моретти ждут "бухгалтера" Росси, крысу по имени Антонио Ринальди. Я знал, что они хотят получить доступ к моим оффшорным счетам, на которые я перевел активы её отца. Я позволил им думать, что они на шаг впереди. Я назначил им встречу, чтобы обсудить «спорные территории», и они, уверенные в своей скорой победе, проглотили наживку.

Кьяра была идеальным отвлекающим маневром. Пока Витторио и его слюнявый племянничек Лука пожирали её глазами, мои люди брали Ринальди в его номере на третьем этаже. Я смотрел, как Лука смотрит на нее, на её ногу в разрезе платья, на её грудь, и чувствовал, как внутри закипает черная, первобытная ярость. Он смотрит на мое. И за это он умрет. Не сегодня. Я убью его медленно, когда придет время. А пока я просто положил руку ей на колено, медленно поднимаясь все выше, показывая этому щенку, кому она принадлежит. Я чувствовал, как она напряглась подо мной, как её дыхание сбилось. Она ненавидела это. И я наслаждался каждой секундой её молчаливой пытки.

Когда Лео подал мне знак, что Ринальди у нас, игра была окончена. Я встал, наслаждаясь выражением их лиц, когда они поняли, что попали в ловушку. Я вывел её оттуда, чувствуя себя триумфатором. Операция прошла безупречно. Моретти обезврежены. Предатель в моих руках. И моя королева рядом со мной.

Но в машине вкус победы начал горчить. Адреналин схлынул, и я посмотрел на нее. Она сидела, отвернувшись к окну, и её трясло. Не сильно, но я заметил. Маска начала трескаться.

Она увидела лишь малую часть моего мира, и это потрясло её до глубины души. И я снова почувствовал этот укол чего-то похожего на вину. Я сам притащил её сюда. Я использовал её. Я подверг её опасности, пусть и мнимой - мои люди контролировали каждый сантиметр отеля. Зачем? Чтобы наказать за ложь? Или было что-то еще?

Я не мог оставить её в пентхаусе. Мысль об этом была невыносимой. Я должен был держать её при себе. Видеть её. Контролировать. Она стала моим наваждением, и это бесило меня. Я, Алессандро Де Стефано, человек, который контролирует все и всех, не мог контролировать собственные мысли, когда дело касалось её.

Когда мы вернулись в пентхаус, тишина между нами стала оглушительной. Она прошла в спальню, не сказав ни слова. Я пошел за ней. Она стояла посреди комнаты, все еще в этом дьявольском платье, и выглядела потерянной.

- Сними это, - приказал я, мой голос прозвучал резче, чем я хотел.

Она вздрогнула и посмотрела на меня. В её глазах больше не было вызова. Только бесконечная, всепоглощающая усталость. Она молча повернулась к зеркалу и попыталась расстегнуть молнию на спине, но её пальцы не слушались.

Я подошел сзади. Я видел наши отражения в зеркале. Высокий, темный мужчина в черном костюме и хрупкая женщина в кроваво-красном. Король и королева Ада. Я отодвинул её руки и сам потянул вниз бегунок молнии. Платье соскользнуло с её плеч и упало к её ногам алым шелковым озером. Она осталась стоять в одном лишь крошечном кружевном белье. Я смотрел на её спину, на изгиб позвоночника, на родинки, которых раньше не замечал.

Я должен был остановиться. Уйти. Оставить её в покое. Но я не мог. Я шагнул вперед, прижимаясь к ней сзади всем телом. Она замерла, превратившись в ледяную статую.

- Ты солгала мне, Кьяра, - прошептал я ей на ухо, мои губы касались её кожи. - "Старая гавань" ... Это было глупо.

Она молчала. Я провел рукой по её животу, чувствуя, как напряглись под моей ладонью мышцы.

- Предатель твоего отца, бухгалтер Ринальди, сейчас в моем подвале. Он рассказывает очень интересные вещи. О счетах. О сделках. О людях, которые хотели предать меня так же, как твой отец предал моего. Ты знала о нем?

- Нет, - выдохнула она.

- Не лги мне, - я сжал её сильнее. - Больше никогда.

Я развернул её к себе. Она не смотрела на меня. Она смотрела куда-то мне за плечо. Я взял её за подбородок, заставляя поднять глаза.

- Посмотри на меня.

Она подчинилась. В её глазах стояли слезы.

- Ты боишься меня, - это было не вопросом.

Она кивнула.

- Но ты желаешь меня, - добавил я, и это тоже была не ложь. Я видел это. В её расширенных зрачках, в том, как дрогнули её ресницы. Её тело предавало её. Так же, как мое предавало меня.

Я наклонился и поцеловал её. Не так, как в ту ночь. Не грубо, не яростно. Этот поцелуй был медленным, тягучим, ядовитым. Я целовал её, вкладывая в этот поцелуй все - свою победу, свою власть, свою темную, извращенную нежность. Сначала она не отвечала, её губы были холодными и сжатыми. Но я был настойчив. Я дразнил, уговаривал, требовал. И она сдавалась. Она приоткрыла рот, и её тихий стон утонул в моем. Она ответила. Неумело, отчаянно, смешивая в этом поцелуе ненависть и невольное влечение.

Я подхватил её на руки и понес к кровати. Она не сопротивлялась. Она лишь обвила руками мою шею, пряча лицо у меня на груди. Я опустил её на черные шелковые простыни. Она была похожа на падшего ангела на фоне этой темноты. Я снял с неё кольцо, бросив бриллианты на пол, как ненужную безделушку.

Этой ночью я не брал её силой. Я соблазнял её. Я исследовал её тело медленно, запоминая каждую родинку, каждую реакцию. Я доказывал ей и себе, что она не просто моя вещь. Она — моя женщина. И она будет принадлежать мне не только из-за страха. Она будет принадлежать мне, потому что её тело больше не сможет без моего. Я доводил её до грани, заставляя её стонать и изгибаться подо мной, а потом отступал, наслаждаясь её мукой.

И когда я наконец вошел в нее, это было не насилие. Это было слияние. Двух врагов, двух одиночеств, двух сломленных душ, связанных ненавистью и греховным желанием. Она плакала. Но в эту ночь в её слезах была не только боль. В них было что-то еще. Что-то, чего я пока не мог понять. Но я знал одно. Я победил. Не Моретти. Не предателя-бухгалтера. Я победил её. И в то же время, чувствуя, как она обнимает меня во сне, я понимал, что проиграл окончательно и бесповоротно. Я попал в её плен.

Глава 16. Маска покорности. Кьяра

Я проснулась в его объятиях, и первым моим чувством было отвращение. Глубокое, липкое, всепоглощающее отвращение к самой себе. Одна его тяжелая рука лежала на моей талии, прижимая меня к его горячему, мускулистому телу. Другая была под моей головой, запутавшись в моих волосах. Он спал. Его дыхание было ровным и глубоким, он был расслаблен, безмятежен, как будто не было в мире ничего более естественного, чем спать рядом с дочерью убитого им человека. А я... я лежала, как мертвая, боясь пошевелиться, боясь вдохнуть его запах, который, казалось, уже вьелся в мою кожу.

Прошлой ночью я проиграла. Проиграла не битву воли, а битву с собственным телом. Оно предало меня. Оно ответило на его ядовитую нежность, на его умелые, искушающие ласки. Он не брал меня силой, как в первый раз. Он соблазнял меня, и я, слабая, глупая, униженная, поддалась. Я помнила свои стоны, тихие и постыдные. Я помнила слезы, которые катились по моим щекам, - слезы не только от боли и унижения, но и от странного, темного облегчения, от запретного удовольствия, которое мое тело испытывало в объятиях моего врага. И это воспоминание было хуже любой пытки.

Я осторожно, миллиметр за миллиметром, начала высвобождаться из его плена. Я убрала его руку со своей талии, стараясь не разбудить его. Я медленно сползла с подушки, высвобождая свои волосы. Я встала с кровати, и меня качнуло. Ноги были ватными. Я на цыпочках прокралась в ванную и закрыла за собой дверь, не издав ни звука.

Я посмотрела на себя в зеркало, и ком подкатил к горлу. Это была не я. Это было поле битвы. На моей шее и плечах расцвели темные, уродливые синяки от его губ - клеймо собственного. На бедрах виднелись следы от его пальцев. Это были шрамы. Шрамы на моей коже и на моей душе. Он пометил меня, как свою вещь, и теперь весь мир, и в первую очередь я сама, будет видеть эти знаки.

Я включила душ, сделав воду почти ледяной. Я хотела заморозить себя, убить в себе все чувства, все воспоминания. Я стояла под холодными струями, пока не задрожала всем телом, но это не помогало. Я все еще чувствовала его прикосновения, его вкус на своих губах. Я поняла, что смыть это невозможно. Он проник слишком глубоко.

Выйдя из душа, я надела самый закрытый и бесформенный свитер, который у меня был, и джинсы. Я должна была спрятать эти постыдные знаки. Спрятать от себя. От него.

Когда я вернулась в спальню, он уже проснулся. Он сидел на краю кровати, спиной ко мне, накинув на бедра простыню. Его широкая спина была покрыта сетью старых, бледных шрамов. Свидетельства его жестокой жизни. Наши тела были картами наших войн. Только его шрамы были знаками битв, а мои - знаками рабства.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по мне, задержался на моей одежде. В его глазах не было ни триумфа, ни нежности. Только холодная, оценивающая внимательность.

- Доброе утро, - сказал он так, будто прошедшая ночь была обыденностью.

Я не ответила. Я не могла заставить себя издать ни звука.

- Я приму душ, потом мы позавтракаем, - продолжил он, вставая. Он был совершенно голым, и его не заботило мое присутствие. Для него я уже не была чужим человеком, я была частью его быта, предметом интерьера. Он прошел мимо меня в ванную, и я отшатнулась, чтобы не коснуться его.

Пока он был в душе, я стояла посреди комнаты, не зная, что делать. Бежать? Куда? Прячется? Где? Я оказалась в самом сердце вражеской территории, в его спальне, и пути назад не было. Моя прошлая тактика - быть холодной и отстраненной - не сработала. Она лишь раззадорила его, заставила его искать новые способы пробить мою броню. И он их нашел. Он нашел самую большую трещину - мое собственное тело.

Я должна была придумать что-то новое. Я не могла бороться с ним силой. Я не могла противостоять ему психологически. Но я была рядом с ним. Ближе, чем кто-либо. Я спала в его постели. Я видела его беззащитным, спящим. Я видела его шрамы. Я должна была использовать эту близость. Не для того, чтобы сбежать. А для того, чтобы уничтожить его.

Я стану для него идеальной любовницей. Той, о которой он мечтал. Покорной, тихой, всегда готовой удовлетворить его желания. Я заставлю его поверить, что он сломал меня, что он победил. Я усыплю его бдительность своей покорностью. Я стану его слабостью, его тихой гаванью в этом жестоком мире. И когда он будет полностью уверен во мне, когда он повернется ко мне спиной, я нанесу удар. Я не знала еще, как. Но я найду способ. Я найду нож, яд, его врагов. Я стану тем самым ядом, который он сам впустил в свой дом.

Этот план родился из отчаяния, но он принес мне странное, ледяное спокойствие. Это была моя новая война. Тайная, тихая и смертельная.

Когда он вышел из ванной, я сидела в кресле и ждала его.

- Я голодна, - сказала я. Мой голос был ровным.

Он удивленно поднял бровь. Он ожидал слез, молчания, ненависти. Но не этого.

- Хорошо, - сказал он, надевая свежую рубашку. - Идем.

За завтраком я ела. Я смотрела на него, когда он говорил. Я даже позволила себе легкую, едва заметную улыбку, когда он рассказывал о чем-то незначительном. Я видела, как он наблюдает за мной, пытаясь разгадать эту перемену. Но моя маска была безупречна.

После завтрака он повел меня обратно в спальню.

- Я должен уехать на несколько часов. Ты останешься здесь. Дверь будет заперта. Не пытайся делать глупостей.

- Я не буду, - тихо ответила я, опустив глаза. - Я буду ждать вас.

Он на мгновение замер. Я чувствовала его прожигающий взгляд. Он подошел ко мне, взял мой подбородок и заставил посмотреть на него.

- Что это, Кьяра? Новая игра?

- Нет, - я посмотрела ему прямо в глаза, и в моем взгляде была лишь покорность и усталость. - Я просто... устала бороться. Вы победили, Алессандро.

Я видела, как в его глазах промелькнуло удовлетворение. Он поверил. Или хотел поверить.

- Умная девочка, - сказал он, и на его губах появилась тень усмешки. Он наклонился и поцеловал меня. Легко, почти нежно. Я не отстранилась. Я позволила ему это, заставив себя не вздрагивать. - Когда я вернусь, мы продолжим наш вчерашний разговор.

Он ушел. Я слышала, как щелкнул замок. Я осталась одна. Я подошла к его кровати и провела рукой по черным шелковым простыням. Я чувствовала себя грязной, предавшей все, во что верила. Но это была необходимая жертва. Я прикоснулась к постыдным синякам на своей шее. Это были не шрамы рабства. Отныне это были знаки моей клятвы. Клятвы о мести. Он думает, что сломал меня. Но он не сломал. Он закалил меня в огне, превратив в оружие, которое однажды будет направлено против него самого.

Глава 17. Игра в доверие. Алессандро

Её слова - "Вы победили, Алессандро" - должны были стать бальзамом для моего эго. Должны были прозвучать как сладкая музыка капитуляции, которую я так долго ждал. Я должен был почувствовать себя триумфатором, хозяином положения, мужчиной, который сломал волю самой упрямой женщины, которую когда-либо встречал. Но вместо триумфа я почувствовал укол подозрения.

Это было слишком просто. Слишком быстро. Вчера вечером она была королевой в алом, с яростью и вызовом в глазах. Ночью она плакала и отвечала на мои ласки с отчаянием утопающего. А сегодня утром она - покорная овечка, которая устала бороться. Эта трансформация была слишком резкой, слишком театральной.

Я поцеловал её, проверяя. Её губы были мягкими, податливыми, но холодными. Она не отстранилась, но и не ответила. Она просто позволила. Это было похоже на поцелуй с красивой, но безжизненной куклой. И это меня разозлило. Я хотел её огня, её ненависти, её сопротивления, которое я мог бы сломить. А получил это... пассивное принятие.

Я ушел, заперев дверь, но её образ остался со мной. Новая игра? Я задал ей этот вопрос, и она ответила "нет" с такой убедительной усталостью в глазах, что я почти поверил. Почти. Но я не был бы тем, кто я есть, если бы верил людям на слово. Особенно женщинам, у которых есть все причины меня ненавидеть.

Я поехал в один из моих загородных домов, где в подвале меня ждал Антонио Ринальди. Он был сломлен. Не только физически - мои люди поработали на славу, - но и морально. Он был готов говорить. Я сел напротив него, налил себе стакан воды и поставил перед ним.

- Антонио, - начал я спокойно. - Я не люблю тратить время. Ты хотел продать информацию Моретти. Теперь ты продашь её мне. Разница лишь в том, что я заплачу тебе жизнью. Рассказывай. Все. Начиная с того, почему Марко Росси держал тебя рядом, зная, что ты крыса.

Он жадно посмотрел на воду, но не прикоснулся.

- Он не знал... до самого конца, - прохрипел Ринальди. - Я был осторожен.

- Не лги мне! - я ударил кулаком по столу, и стакан подпрыгнул. - Росси не был идиотом. Он бы почуял твою вонь за милю. Он держал тебя рядом по какой-то причине. Какой?

Ринальди вздрогнул. Он смотрел на меня несколько секунд, и я увидел в его глазах не только страх, но и хитрость. Он все еще пытался торговаться.

- Была... была страховка, - выдавил он. - У Марко была страховка. На всех. На вас, на Моретти, на политиков, на копов. Все, с кем он работал.

- Что за страховка?

- Леджер. Черная бухгалтерская книга. Не просто цифры. Имена, даты, записи разговоров, фотографии. Компромат, который мог бы уничтожить половину этого города. Он собирал его годами.

Мои мускулы напряглись. Я слышал слухи об этом, но считал их байками.

- Где он?

- Я не знаю, - быстро сказал Ринальди. - Клянусь, я не знаю! Он был параноиком. Он никому не доверял. Он говорил, что это его "наследие". Единственное, что он оставит своей дочери, если с ним что-то случится.

При упоминании Кьяры у меня внутри все похолодело.

- Что ты имеешь в виду?

- Он говорил... он говорил, что ключ к леджеру - это она. Что только она сможет его найти. Я не знаю, как! Может, кодовое слово, которое знает только она, или место, о котором они вдвоем договаривались. Он любил свою дочь больше жизни. Он думал, что делает ее неуязвимой. Что никто не тронет ее, зная, что она - ключ к такой бомбе.

Идиот. Он не сделал её неуязвимой. Он превратил её в мишень. В самую желанную мишень для всех в этом городе. И я, убив его, сам того не зная, забрал эту мишень себе.

- Моретти знают об этом?

- Я... я намекнул им, - пролепетал Ринальди. - Я сказал, что у меня есть доступ к человеку, который приведет их к состоянию Росси. Я имел в виду её. Они должны были помочь мне вытащить её, а потом...

- А потом ты бы получил свою долю, - закончил я за него. - А её бы убили, чтобы она не смогла рассказать о леджере кому-то еще.

Он молчал. Это было равносильно признанию.

Я встал и подошел к нему.

- Ты подписал себе смертный приговор, Антонио. Но ты умрешь не сразу. Сначала ты очень подробно опишешь мне все, что ты знаешь о делах Росси. Каждую сделку. Каждое имя. А потом мои люди отвезут тебя в очень тихое и глубокое место.

Я вышел из подвала, оставив его наедине с моими людьми и его страхом. Моя голова гудела. Ситуация изменилась кардинально. Кьяра была не просто дочерью моего врага. Она была ключом. Ключом к информации, которая могла либо укрепить мою власть до абсолюта, либо уничтожить меня. И теперь Моретти, а возможно, и кто-то еще, знали об этом. Они будут охотиться за ней.

Я вернулся в пентхаус. Ярость и тревога боролись во мне. Она солгала мне. Она водила меня за нос, играя в свою игру в покорность, пока весь город готовился разорвать её на куски, чтобы добраться до секретов её отца.

Я ворвался в спальню. Она сидела у окна и читала. Она подняла на меня свои спокойные, ясные глаза.

- Вы вернулись, - сказала она тихо.

Я подошел и вырвал у нее книгу.

- Хватит игр, Кьяра! - прорычал я. - Леджер. Рассказывай мне о чертовом леджере твоего отца!

На ее лице промелькнуло неподдельное удивление и растерянность.

- Я... я не знаю, о чем вы говорите. Какой леджер?

- Не лги мне! - я схватил ее за плечи. - Ринальди все рассказал! О страховке твоего отца! О том, что ты - ключ!

- Ринальди? Антонио? - она смотрела на меня, и в ее глазах появился страх, но не страх разоблачения. Это был страх от того, что она не понимала, о чем идет речь. - Отец уволил его несколько месяцев назад! Он сказал, что больше ему не доверяет! Я ничего не знаю ни о каком леджере!

Она не лгала. Я смотрел в ее глаза и видел в них правду. Она действительно ничего не знала. Её отец, в своей параноидальной попытке защитить её, оставил её в полном неведении. Он сделал её ключом, но не сказал ей, от какой двери.

Я отпустил её. Я провел рукой по волосам, пытаясь унять ярость. Она не враг, который плетет интриги за моей спиной. Она - невинная овца, среди стаи волков, и даже не подозревает об этом. И я - самый большой и самый опасный волк из всех.

Она смотрела на меня, дрожа.

- Что происходит, Алессандро? Что этому человеку нужно от меня?

Я посмотрел на нее. На ее испуганное, прекрасное лицо. И я принял решение.

- Ничего, - сказал я более спокойным тоном. - Он больше никого не побеспокоит. Просто сиди тихо и делай то, что я говорю. Я разберусь с этим.

Она не знала, что является ключом. И она не должна узнать. Пока. Если она не знает, она не сможет никому ничего рассказать, даже под пытками. Я должен был защитить её. Не ради нее. Ради себя. Ради информации, которую она хранила в своем подсознании. Она стала моим самым ценным активом. И я буду охранять её ценой своей жизни.

- Иди сюда, - сказал я, сев на кровать.

Она колебалась.

- Иди сюда, Кьяра.

Она медленно подошла. Я притянул ее к себе и усадил на колени. Она была напряжена, как струна. Я обнял ее, утыкаясь лицом в ее волосы.

- Ты больше не будешь одна в этой комнате, - прошептал я. - Никогда. С этого момента ты будешь со мной двадцать четыре часа в сутки. Куда я, туда и ты. Это не обсуждается.

Это была не угроза. Это была необходимость. Я должен был держать её рядом, чтобы защитить. И чтобы найти этот чертов ключ, пока до него не добрались другие. Моя игра в доверие с ней только что вышла на совершенно новый, смертельно опасный уровень.

Глава 18. Щит из монстра. Кьяра

Я сидела на его коленях, как сломанная фарфоровая кукла, и чувствовала, как его руки смыкаются вокруг меня. Этот жест был другим. В нем не было той яростной, собственнической страсти, что раньше. В нем была... сталь. Холодная, несгибаемая, как прутья клетки, которая только что снова захлопнулась, на этот раз став еще теснее. "Ты будешь со мной двадцать четыре часа в сутки". Он не угрожал. Он констатировал факт. И причина этой внезапной перемены была мне неизвестна, но она пугала меня больше, чем его гнев. Гнев я понимала. Эту холодную, расчетливую опеку - нет.

Мой план по усилению его бдительности рухнул, не успев начаться. Я хотела стать его тенью по своей воле, а он сделал меня ею по своему приказу. Он опередил меня, забрав даже эту иллюзию контроля.

Начался самый странный и страшный период моего плена. Я стала его живым продолжением. Когда он работал в своем кабинете, я сидела в кресле напротив, и тишину нарушал лишь шелест бумаг и стук клавиш. Я пыталась читать, но не могла сосредоточиться, чувствуя на себе его тяжелый, изучающий взгляд. Он не смотрел на меня с желанием или злостью. Он смотрел так, словно пересчитывал бриллианты в своей сокровищнице, проверяя, все ли на месте.

Когда он ел, я сидела за столом напротив. Когда он говорил по телефону, расхаживая по гостиной, я должна была находиться в его поле зрения. Ночью я спала в его постели, и он больше не держался на своей половине. Он притягивал меня к себе, заключая в свои объятия так, что я не могла пошевелиться. Он не занимался со мной любовью. Он просто держал меня. Словно боялся, что если он ослабит хватку, я растворюсь в воздухе.

Эта близость была удушающей. Я была лишена не только свободы, но и одиночества. Я не могла остаться наедине со своими мыслями, со своей ненавистью, со своим планом мести. Он был везде. Его запах, его тепло, его присутствие. И самое ужасное - я начала к этому привыкать. Мое тело, предавшее меня однажды, начало находить в его силе извращенное чувство безопасности. Я ненавидела себя за это. Каждую секунду.

На третий день этого нового режима он сказал за завтраком:

- Сегодня мы поедем в город. У меня встреча в одном из моих ресторанов.

Мое сердце пропустило удар. В город. Увидеть людей, улицы. Это был первый раз, когда он собирался вывести меня из этого пентхауса, не считая той ночи в «Эксельсиоре».

- Зачем я вам там? - спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал покорно.

- Я же сказал, Кьяра. Куда я, туда и ты, - отрезал он. - Елена принесет тебе одежду. Будь готова через час.

Елена принесла простое, но элегантное темно-синее платье-футляр и туфли на невысоком каблуке. Никакого кроваво-красного шелка, никакой откровенности. Эта одежда была другой. Она не выставила меня напоказ. Она... прятала.

Мы спустились на подземную парковку. Вместо одной машины, как раньше, нас ждал кортеж. Два черных бронированных внедорожника и седан, в который нас усадили. Алессандро сел рядом, его телохранитель Лео - на переднее сиденье. Машины тронулись. Я смотрела в окно, и у меня перехватило дыхание. Солнечный свет, деревья, люди, спешащие по своим делам. Это был мир, о котором я уже начала забывать. Мир, который был у меня отнят. Слезы навернулись на глаза, и я быстро смахнула их, пока он не заметил.

Ресторан назывался "La Corona". Он был дорогим, респектабельным, с приглушенным светом и тихой музыкой. Нас провели в отдельный зал. Алессандро усадил меня за столик в углу, откуда был виден весь зал, но мы оставались в тени.

- Сиди здесь. Ни с кем не разговаривай. Никуда не уходи, - приказал он.

Он отошел к другому столу, где его уже ждали трое мужчин в дорогих костюмах. Они начали о чем-то говорить, их голоса были тихими, но напряженными. Я сидела, как мне и было велено, и наблюдала. Я чувствовала себя экспонатом в музее. Официант принес мне воды, но я не прикоснулась к ней.

В какой-то момент один из мужчин за столом Алессандро повысил голос. Я не расслышала слов, но увидела, как лицо Алессандро превратилось в ледяную маску. Он сказал что-то короткое, и мужчина побледнел и замолчал. Власть. Его власть была абсолютной, она ощущалась почти физически.

Встреча закончилась. Мужчины ушли, а Алессандро подошел ко мне.

- Мы уходим.

Мы вышли из ресторана. Уже смеркалось. Пока мы ждали машину, я стояла рядом с ним на тротуаре. На мгновение я почувствовала себя почти нормальной. Обычная пара после ужина в ресторане. Но потом я увидела, как напряжен Лео, как его глаза сканируют толпу, как двое других охранников стоят поодаль, создавая невидимый периметр. Это была не нормальная жизнь. Это была жизнь в осаде.

И тут все произо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.